

Костомаров.

Мысли о федерат.
нагале в древн.
Ручеи.

W $\frac{479}{544}$

2007081061

1518
[Н. Костомаров]

W 479
544

МЫСЛИ

О ФЕДЕРАТИВНОМЪ НАЧАЛѢ ВЪ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

Географическая мѣстность страны и обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ сложился бытъ Восточныхъ Славянъ, произвели надолго, въ исторіи Русскаго народа, сочетаніе единства и цѣлости земли съ раздѣльностью частей ея и съ своеобразностію жизни въ каждой изъ этихъ частей. Коренной зачинъ русскаго государственнаго строя шелъ двумя путями: съ одной стороны, къ сложенію всей Русской Земли въ единое государство, а съ другой — къ образованію въ немъ политическихъ обществъ, которыя, сохраняя каждое свою самобытность, не теряли бы между собою связи и единства, выражаемаго ихъ совокупностію. Это начало федерации не представляетъ въ исторіи нашей чего-то исключительно-свойственнаго Славянскому племени; его встрѣчаемъ мы, какъ у древнихъ, такъ и у новыхъ народовъ, повсюду, гдѣ только живучесть нравственныхъ силъ челоуѣка не была подавлена насильственнымъ слоченіемъ, или гдѣ, влѣдствіе неблагопріятныхъ для поддержанія единства оборотовъ судьбы, части не приняли характера совершенно отдѣльных другъ отъ друга цѣлыхъ, и не разошлись, на своемъ пути, въ разныя стороны. Русская Земля была слишкомъ велика для скорого образованія изъ себя единого государственнаго тѣла; племена, населявшія ее, были слишкомъ разнovidны, чтобъ скоро слиться въ одинъ народъ; самое то племя, которое имѣло болѣе залоговъ сдѣлаться господствующимъ, первенствующимъ между другими, было само раздѣлено на второстепенныя племена, заключавшія въ себѣ залоговъ долгаго существованія въ отдѣльности.

Еще въ незапамятныя времена, послѣ пришествія Славянъ съ Дуная, на всемъ Русскомъ материкѣ жило два рода Славянъ: одни Славяне —

старые, другіе — пришлые; въ языкѣ, нравахъ и обычаяхъ тѣхъ и другіхъ должны были заключаться такія отличія, которыя пренятетвовали ихъ скорому слитію. Сверхъ различій, какія необходимо должны были существовать между массою древнѣйшихъ обитателей края и массою пришлыхъ, каждая масса подраздѣлялась на виды, которыхъ прирожденные признаки, этнографическія особенности, означались не одними только мѣстами новаго ихъ поселенія, но и укоренялись, и развивались въ теченіи значительнаго времени, привычками, преданіями и своеобразными приемами быта. Достаточно указать на описаніе Полянъ и Древлянъ въ нашихъ лѣтописяхъ: обѣ эти вѣтви принадлежали къ одной массѣ новопришлыхъ Славянъ и, притомъ, обитали по сосѣдству другъ съ другомъ; но различіе между ними доходило даже до вражды. »Поляне бо своихъ отецъ обычаи имуть кротокъ и тихъ, и стыдѣнье къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матеремъ и къ родителемъ своимъ, къ свекровемъ и деверемъ велико стыдѣнье имѣху; брачныя обычаи имяху: не хозаше зять по невѣсту, но приводяху вечеръ, а завтра приношаху по ней что владуче. А Древляне живяху звѣриньскимъ образомъ, живуще скотьски: убиваху другъ друга, аяху вся нечисто, и брака у нихъ не бываше, но умыкиваху уведы дѣвица.« (Лѣтоп., т. I). Радимичи и Вятичи производили себя отъ Ляховъ: въ этомъ преданіи, конечно переходившемъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, лежитъ уже причина ихъ отличія и зародышъ отдѣльности, да сверхъ того каждый изъ этихъ двухъ народовъ имѣлъ собственныя заветныя преданія, которыя были чужды другимъ Славяно-русскимъ народамъ и имъ самимъ не давали смѣшиваться другъ съ другомъ. У Радимичей былъ свой родоначальникъ — Радимъ, у Вятичей — Вятко. Для другихъ русскихъ Славянъ эти праотцы не были священными лицами, какими были для признававшихъ себя ихъ потомками. Какъ у Древлянъ, такъ и у Радимичей и Вятичей, лѣтописецъ подмѣтилъ особыя черты нравовъ. »И Радимичи, и Вятичи, и Сѣверъ одинъ обычаи имяху: живяху въ лѣсѣ, якоже всякій звѣрь, ядуще все нечисто, срамословье въ нихъ предъ отци и предъ снохами; браци не бваху въ нихъ, но игрища между селы. Схожахуся на игрища, на плясанье, и на вся бѣсовьская игрища, и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто съвѣщашеся; имяху же по двѣ и по три жены. Аще кто умряше, творяше трызну надъ нимъ и по семь творяху кладу велику, и възложашуть и на кладу мертвеца и сожьжаху, а посемь собравши кости, вложашу въ судину малу и поставяху на столпѣ на путехъ, еже творять Вятичи и нынѣ. Си же творяху обычая Кривичи, прочіи поганіи, не вѣдуще закона Божья, но тво-

»ряще сами собѣ законъ.« (*Тамъ же*). Кривичи, какъ показываетъ ихъ названіе, уже тяготѣли къ Прусско-Литовскому центру религіознаго строя (Криве), и тѣмъ должны были сильно отличаться отъ другихъ. Многочисленный народъ Тиверцевъ и Улучей, жившій по близости къ морю, имѣлъ, конечно, свои особенности: на это намекають слова нашей лѣтописи, — что этотъ народъ нѣкогда звался отъ Грековъ *Великая Скуфь*, — этотъ именно, а не другіе съ нимъ вмѣстѣ. »Сѣдяху» бо по Днѣстру оли до моря, суть гради ихъ и до сего дне. Да то ея »зваху отъ Грекъ Великая Скуфь.« (*Тамъ же*).

Всѣ различія между племенами ярко бросались въ глаза современниковъ и не исчезали ни послѣ укорененія единого княжескаго рода, ни послѣ распространенія христіанства. Лѣтописцы наши, жившіе, разумѣется, уже послѣ принятія христіанства, говорятъ, что всѣ они *имяху обычаи свои и законъ отецъ своихъ и преданья, каждо свой нравъ*, и при этомъ жалуются, что нѣкоторые, какъ, напримѣръ, Вятичи, долго держались своихъ языческихъ привычекъ, противныхъ христіанству. Въ это время этнографическія особенности казались еще рѣзче между ними и тѣми, къ которымъ христіанская вѣра получила скорѣйшій доступъ. Ни географія, ни исторія этихъ народовъ не способствовали исчезанію ихъ народностей. Климатъ и качество почвы поддерживали мѣстныя особенности племенъ. Иныхъ занятій, иного образа жизни требовали поля, обитаемыя Полянами, плодоносныя, и вмѣстѣ открытыя нападенію шопленниковъ, чѣмъ лѣса Древлянъ и болота Дреговичей. Иначе дѣйствовало на организмъ и наклоности человѣка теплый и здоровый климатъ Улучей, чѣмъ холодный и ровный климатъ Ростовской и Суздальской земли, или сырой климатъ отечества Кривичей.

Пространства, на которыхъ жили всѣ эти племена, были слишкомъ велики, а пути сообщенія слишкомъ длинны и труднительны. Дремучіе лѣса, непроходимыя болота и широкія степи раздѣляли ихъ другъ отъ друга. Массы народцевъ мало знали одна другую; каждый составлялъ себѣ понятія о сосѣдяхъ или невѣрныхъ, или враждебныхъ, и надолго сживался съ такими понятіями. По видимому, взаимная вражда Полянъ и Древлянъ принадлежитъ такому отдаленному вѣку, что всякое исканіе ея слѣдовъ въ наше время должно показаться бредомъ. А между тѣмъ, и до сихъ поръ, во взглядѣ Украинца, потомка Полянъ (или преемника ихъ по землѣ) на своего сосѣда Полѣщукъ, потомка Древлянъ и наслѣдника ихъ имени, проглядываетъ тѣнь враждебности. Полѣщукъ, для Украинца, или колдунъ, способный на лихое дѣло, превращающій людей въ волковъ,

или глупецъ, осмѣиваемый въ зѣтѣливыхъ анекдотахъ. Еще рельефнѣе выдается, въ воображеніи того же Украинца, Литвинъ (подъ этимъ именемъ разумѣется народъ не дѣйствительно Литовскій, а Бѣлорусскій), т. е. потомокъ Кривичей и Дреговичей, обозначавшійся у него подъ общимъ именемъ Литвина. Земля Литовская до сихъ поръ для Украинца земля чудесъ и чародѣйства, какъ земля Кривеская была страной волхвованій при Всеславѣ Полоцкомъ. Такъ близкіе народныя отбѣнки получаютъ нѣкоторымъ образомъ видъ различныхъ народностей. Чѣмъ неразвитѣе масса народа, чѣмъ уже кругъ ея понятій и скуднѣе запасъ свѣдѣній, тѣмъ уже у нея понятіе о своенародности, тѣмъ оно сосредоточеннѣе въ самомъ тѣсномъ кругу признаковъ и все, что сколько нибудь не похоже на свое, кажется чуждымъ, иноземнымъ, непривычнымъ, неудобопріемлемымъ. Различія нарѣчій, нерѣдко даже одного выговора, достаточно, чтобы въ какомъ нибудь городкѣ или округѣ составились насмѣшливые рассказы о сосѣдяхъ и передразниванья. Такъ и теперь сосѣди Псковичей и Новгородцевъ насмѣшливо передразниваютъ употребленіе *щ* вмѣсто *ж* въ ихъ нарѣчій, а у Одоевцевъ и Мценянъ *ж* вмѣсто *щ*. Различіе въ одеждѣ, постройкѣ домовъ, мелочныхъ особенностяхъ домашняго быта, достаточно, чтобы сосѣди дали сосѣдямъ прозвище, и это одно уже поддерживаетъ сознаніе отдѣльности. Такъ Ростовцевъ, напримѣръ, называютъ вислуухими за то, что они носятъ шапки съ длинными ушами и лапшевиками за то, что они постоянно ѣдятъ лапшу. Иногда даже особенности не народа, а мѣстности, даютъ жителямъ ея у сосѣдей насмѣшливое и оскорбительное прозвище; напримѣръ: Дмитровцевъ называютъ лягушками за то, что около ихъ города множество лягушекъ. Вся южная часть Воронежской губерніи населена Малороссами, пришедшими въ разныя времена изъ разныхъ краевъ Южной Руси. Предки однихъ пришли изъ Волыни, другіе изъ Подоли, третьи изъ Сѣверской стороны; разныя нарѣчія Южной Руси отпечатались въ говорѣ и способѣ рѣчи ихъ потомковъ и одно село смотритъ на другое какъ на особой отъ него народъ. »Что городъ, то поровъ«, говоритъ пословица. Въ народѣ оставляютъ воспоминаніе не тѣ событія, которыя касаются внѣшней политической исторіи, а тѣ (часто вовсе упускаемыя историками), которыя выказываютъ народныя нравы: такъ, нѣкогда благопріятный пріютъ разбоевъ—Сѣверскій край и сосѣдній ему—нынѣшняя Орловская губернія, оставили надолго о себѣ въ народной памяти непріятное впечатлѣніе: Орловцевъ, Кромцевъ, Карачевцевъ прозываютъ ворами и сорви-головами. Въ нашей сельской жизни можно повсемѣстно встрѣтить примѣры, какъ село пов-

торенными нѣсколько разъ преступленіями своихъ жителей навлекаеть на себя отъ сосѣдей дурную славу; всѣхъ его жителей на-голо прозываютъ ворами, конокрадами, плутами, и тому подобными названіями, и то же названіе идетъ изъ рода въ родъ. Въ древности, подобные случаи не ограничивались только однимъ оскорбительнымъ прозвищемъ, но раздражались кровавыми столкновениями, которыя раздували болѣе и болѣе вражду и укореняли между ними взгляды, мѣшавшіе имъ соединиться.

Историческія обстоятельства не доставляли средствъ къ слитію и изглаженію племенныхъ разностей. Вліянія иноплеменныхъ народовъ дѣйствовали на Славянъ разъединительнымъ способомъ. Иноплеменники одни за другими нападали, покоряли себѣ Русскихъ Славянъ, обыкновенно владѣли ими не долго и уступали въ свою очередь власть надъ ними другимъ. Такимъ образомъ подчиняли Славянъ то Обры, то Болгаре, то Хазары, то Норманы. Но подпадали подъ чуждую власть не всѣ Славяне разомъ и не однимъ, для всѣхъ ихъ, завоевателямъ. Такъ, предъ пришествіемъ Рюрика, на Сѣверѣ властвовали одни пришельцы — Норманы, на Югѣ другіе — Хазары, а Югозападная часть оставалась, какъ видно, независимою, но не избѣгала столкновенія съ пришлыми племенами.

Съ незапамятныхъ временъ и до позднѣйшихъ, на югѣ Русскаго материка бродили кочевыя опустошительныя орды, смѣняя одна другую, и если были иногда слабы, для того, чтобы поработить Славянъ, то всегда препятствовали ихъ соединенію между собою. Впослѣдствіи показалось ясно, какъ Печенѣги, Торки, Половцы, Ятвяги препятствовали на Руси развиваться правильному гражданскому строю и образоваться прочнымъ государственнымъ связямъ. Та же судьба постигала Южный край и древле. Различныя событія въ странахъ Русскаго міра возбуждали различныя интересы и тяготѣнія. Если бѣдствія препятствуютъ политическому и гражданскому успѣху, то общее горе сближаетъ людей и въ отдѣльныхъ личностяхъ и въ массахъ. Нужно только, чтобъ это горе охватывало одинакимъ образомъ какъ-можно-большую массу, на столько многочисленную и сильную, чтобъ она могла противодѣйствовать. Когда народности Русскаго материка подпали рабству Готтовъ, понятно, что появленіе въ Приволжскихъ степяхъ шайки Гунновъ могло поднять всѣми пластами поработенные народы, но силъ къ устроенію чего-либо прочнаго, своего, на мѣсто чуждаго ига, не доставало Славянамъ или, по крайней мѣрѣ, не доставало на столько, чтобъ воспротивиться препятствующимъ обстоятельствамъ: для этого нужно было время и постепенный укладъ понятій о гражданской самостоятельности. А Славя-

намъ не было времени передумать это. Держава Гунская распалась отъ своей огромности и отъ разновидности народныхъ частей, изъ которыхъ она сложилась. Племена, ее составлявшія, потерявъ временную взаимную связь, стали тереть другъ друга, и Восточные Славяне снова разбились на отрывочныя части, и возникъ снова прежній образъ раздѣльности, и рядъ родовыхъ междоусобій, и столкновенія народовъ съ чужеземниками безъ взаимной связи съ едиородцами. Для соединенія племенъ нужна какая-нибудь виѣшняя сила, вызывающая противоѣйствию; но тогда необходимо, чтобъ эта виѣшняя сила могла овладѣть многими, если не всеми, племенами, и налечь на такую массу народа, которая была бы въ состояннн испровергнуть тяготящее начало, чтобы такимъ образомъ, эти племена могли имѣть общую цѣль. Это, дѣйствительно, и случилось въ IX вѣкѣ, но только на одномъ Сѣверозападѣ Русскаго материка и, слѣдовательно, не на столько, чтобъ дать всему Восточно-Славянскому міру скорый переходъ къ единобытности. Въ IX вѣкѣ, Славянъ на югѣ и въ средней Руси покорили Хазары; сѣверныя страны покорили Норманны. Власть Хазаръ была слишкомъ мягкою, и не возбуждала противъ себя энергическаго движенія; — Славяне не очень, какъ видно, дорожили этою иноплеменною опекою, когда такъ легко отдались Руссамъ, но и не тяготились ею до того, чтобы вооружиться и жертвовать жизнью. Когда Руссы двинулись для подчиненія народностей, то, по извѣстію лѣтописца, не спрашивали у народовъ, которыхъ встрѣчали: свободны ли вы, или даете кому-нибудь дань? а просто: кому дань даете? Конечно, ни лѣтописецъ, ни тотъ, у кого лѣтописецъ почерпнулъ это извѣстіе, не слышали, какъ Руссы спрашивали объ этомъ Славянъ, но выраженный такимъ способомъ разговоръ показываетъ, что въ убѣжденнн писавшихъ лѣтописъ, для этихъ Славянскихъ народцевъ въ оное время было какъ-то немисливо существовать не давая дани. Подобныя понятія можно встрѣтить теперь и у Черемисовъ, или у Сибирскихъ инородцевъ. Они знаютъ, что даютъ дань Русскому государю, сознаютъ, что можно давать дань еще и другому такому же государю; но имъ покажется неудобовразумительно—не платить никому дани, потому что ихъ сознание о своей народности или не достигло до представленія объ образованнн изъ себя самостоятельнаго общества, или отвыкло отъ такого представленія, если, быть можетъ, оно и было у ихъ праѣдковъ. Такъ и Славяне Русскіе легко отдались пришельцамъ, потому что были подъ властью другихъ чужеземцевъ. Напротивъ, труднѣе приходилось князьямъ Рюрикова дома справиться съ Улучами, Тиверцами, Древлянами, непод-

павшими, какъ видно, подъ Хазарскую державу. Не скоро можно было подчинить и Вятичей, хотя они и считались въ числѣ данниковъ Хазарскихъ, но живя не на проходной дорогѣ, какъ Поляне, сохраняли болѣе своебытности; самое подданство Хазарамъ для нихъ было, вѣроятно, болѣе номинальное. Новая власть, Русская, была тягостнѣе Хазарской: это доказывается упорнымъ сопротивленіемъ Радимичей и Вятичей противъ Кіевскихъ князей, тогда какъ, по видимому, эти народцы спокойно оставались подъ властью отдаленныхъ Хазаръ. Но эта новая власть Руссовъ не могла возбудить противъ себя единомышленнаго и плодотворнаго противодѣйствія покоренныхъ народовъ. Она была не до такой степени отяготительна, чтобы породить въ народахъ сильное противъ себя ожесточеніе и заставить ихъ соединить свои общія силы для освобожденія. Русскіе князья ограничивались только сборомъ дани, такъ называемымъ *полюдьемъ*. Дань эта и способъ ея собиранія могли быть то легче, то обременительнѣе, смотря по личности князя или дружинныхъ начальниковъ, но не падали на народы тягостію постояннаго управленія, введеніемъ чужихъ обычаевъ, вмѣшательствомъ въ ихъ домашнія дѣла. Обязанный платить дань, каждый народъ не выходилъ изъ колеи обычаевъ дѣдовскаго быта. Онъ не былъ осужденъ постоянно имѣть предъ глазами княжескихъ мужей, и вообще власть князей дѣйствовала издали; они со своими дружинами появлялись, какъ гроза, ежегодно за данью, хватали что успѣвали, дни ихъ посѣщенія могли быть для народа недобрыми днями, но днями короткими; князьямъ нужно было объѣздить много пространства; останавливаться долго на одномъ мѣстѣ было некогда. Уѣзжалъ князь—и народъ оставался себѣ на произволъ, не видалъ надъ собою отяготительнаго ярма, и скоро забывалъ нашедшую на него тучу до новаго ея появленія. Притомъ же пришельцы покоряли Славянскія племена посредствомъ ихъ же самихъ. Такъ Олегъ, пока дошелъ до Кіева, то его ополченіе увеличивалось на пути свѣжими силами изъ вновь-подчиненныхъ. Иноплеменныхъ пришельцевъ, Руссовъ, было мало, и они слишкомъ скоро расплылись въ массѣ Полянъ, передавши имъ свое имя. Когда князья утвердились въ Кіевѣ, имъ кетати пришлась вражда Полянъ съ Древлянами, чтобъ покорить послѣднихъ. Конечно, тоже было и при подчиненіи другихъ племенъ; древнее преданіе о томъ, что возставалъ родъ на родъ, показываетъ, что между народами существовали искони частныя взаимныя непріязни.

Подчиненіе племенъ имѣло различный характеръ, смотря потому, въ какомъ отношеніи были подчиненные къ Полянамъ, составлявшимъ ядро

покоряющей силы. Такъ Олегъ обошелся челоѣколюбиво съ Сѣверянами, которые, какъ видно, будучи въ ближайшемъ сродствѣ съ Полянами, вѣроятно, не дожили до такой вражды, какая была у послѣднихъ съ Древлянами и которыхъ еще болѣе, вѣроятно, сблизила общая зависимость отъ Хазаровъ. Лѣтописецъ говоритъ, что Олегъ наложилъ на нихъ дань легкую, а о Древлянахъ говоритъ, что Кіевскій князь *примучилъ* ихъ. Съ тѣхъ поръ Древляне еще нуждались въ укрощеніи, а на Сѣверянъ не дѣлалось нападеній. Должно думать, и между Полянами и Сѣверянами былъ уже такой взаимный народный взглядъ, который могъ со временемъ возбудить, при обстоятельствахъ, непріязненные отношенія: это дѣйствительно случилось, когда возникла борьба Ольговичей съ Мономаховичами; но въ древности, сколько можно догадываться, два народа не находились въ старинной враждѣ: и прежде будучи сосѣдями, знакомыми другъ другу близко, они были соединены подъ властію Хазаръ, и теперь, подъ властію Русскихъ князей, соединеніе съ Полянами было для Сѣверянъ не новость, а потому и у нихъ не было побужденія воставать противъ новой власти, если не было его у самихъ Полянъ, тѣмъ болѣе, что и дань, наложенная на Сѣверянъ, была легкая.

Такимъ образомъ, подчиненіе на одномъ концѣ Тиверцевъ и Улучей, а на другомъ — Вятчей и Радимичей, которые сопротивлялись долѣе другихъ народовъ, совершилось уже не такъ какъ прежде, а принимало видъ подчиненія ихъ не иноплеменнымъ Руссамъ, а Руси-Полянамъ, Кіеву, и Поляне-Русь здѣсь являются уже господствующимъ, завоевательнымъ племенемъ. И Радимичи съ Вятчами на одной сторонѣ, и Тиверцы съ Улучами на другой, не могли взаимно дѣйствовать противъ завоевательной силы, потому что были раздѣлены слишкомъ большимъ пространствомъ, и сообщеніе между ними перехватывалось границами завоевательнаго народа Руси-Полянъ, да смежнаго съ послѣдними — Сѣверянъ, и покоряемы были не въ одно время, да конечно и мало знали другъ друга, чтобъ завязать между собою сношенія.

Сѣверные народы, по отношенію къ первымъ русскимъ князьямъ, были въ другомъ положеніи, чѣмъ южные и средніе. Тамъ — избраніе, добровольный призывъ, здѣсь — завоеваніе посредствомъ одного изъ народовъ, съ которымъ слились пришельцы. Новгородцы остаются также свободными, какъ и прежде, и при Святославѣ выбираютъ себѣ князя добровольно. Кривичи были разъединены отъ Южной Руси и жили отдѣльнымъ міромъ; они не платили Кіевскимъ князьямъ дани, слѣдовательно, даже

и при условіяхъ большей близости, чѣмъ какая была на самомъ дѣлѣ, они не имѣли бы надобности оказывать содѣйствіе Древлянамъ, Тиверцамъ, Радимичамъ и Вятичамъ, когда эти народцы отстаивали свою независимость. Среди самыхъ подчиненныхъ народовъ возникли интересы, отношенія, связывавшія ихъ дружелюбно съ побѣдителями. Побѣдители приглашали ихъ въ свои ополченія, воевали съ ними Хазарь, потомъ Грековъ; они были участниками и добычи и военной славы. Въ тотъ вѣкъ было очень приманчиво такое занятіе; много находилось охотниковъ. Наконецъ князья, по удобоподатливости Литовской природы, скоро и легко ослабѣли и потеряли, для подчиненныхъ племенъ, характеръ чужеродства. Послѣ этого перерожденія, уже невозможно было возстаніе Славянскихъ народовъ съ характеромъ противодѣйствія иноземному игу. А соединеніе Славянъ, при степени ихъ тогдашней образованности, только и могло случиться противъ чужеземнаго ига, ибо только такого рода ига могло быть одинаково для всѣхъ тягостно. Такого ига уже не чувствовалось; для Вятича или Радимича тягость была уже не отъ иноплемениковъ, а отъ Русс-Полянъ, и отъ личности князей. Для Улучей и Тиверцевъ, близкихъ къ Полянамъ по народности, возстаніе противъ нихъ уже имѣло бы характеръ внутренняго междоусобія. Впрочемъ, если бы власть сосредоточивалась долго и постоянно въ Кіевѣ и тяготѣла деспотически надъ всѣми народами одинаково, то еще возможно было бы соединенное возстаніе нѣсколькихъ народовъ; тогда Тиверцы, Дулебы, Радимичи, Вятичи, Древляне, при какихъ нибудь благоприятныхъ обстоятельствахъ, устроившихъ между ними сношеніе, могли бы еще содѣйствовать другъ другу противъ насилія отъ Полянъ; но было не такъ: при верховной власти Кіева надъ народцами, въ каждомъ изъ послѣднихъ были свои князьки. Кіевъ, безъ нужды, не стѣснялъ ихъ внутренней самобытности. Довольно было съ него, если народы давали дань, и князьки ихъ состояли подъ рукою *великаго* Кіевского князя. Мало по малу эти частныя князьки были вытѣснены, упали въ своемъ значеніи, и достоинство ихъ заняли князья изъ пришлаго Кіевского Дома. Во внутренней жизни народа, отъ этого собственно, ничто не перемѣнилось; къ князьямъ они привыкли и прежде; у Древлянъ, при Ольгѣ, былъ какой-нибудь Малъ, потомъ сталъ княземъ членъ Рюрикова Дома. У Вятичей былъ свой князь Ходота; сталъ другой князь тоже изъ Рюрикова Дома. Эти князья усвоивали, конечно, и нарѣчіе края; они набирали себѣ дружины изъ уроженцевъ того же края, и перестали быть пришельцами для жителей страны, гдѣ княжили.

Сначала народы могли все таки чувствовать нечто чужое надъ собою, когда прѣзжалъ изъ Кіева князь или воевода собирать съ нихъ дань; но возрѣніе измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ у этихъ народовъ явились особыя князья. Хотя они происходили изъ того же одинаго рода, который княжилъ въ Кіевѣ, но за то изъ Кіева уже не прѣзжалъ къ нимъ никто за данью. У Древлянъ и Дулебовъ былъ тогда свой князь, точно также какъ у первыхъ нѣкогда какой-нибудь Малъ; если онъ воевалъ съ Кіевомъ по своимъ родственнымъ отношеніямъ, то Древлянинъ, служившій въ его ополченіи, шелъ противъ Полянъ съ чувствомъ прежней непріязненности къ своимъ сосѣдямъ, или по крайней мѣрѣ съ остатками этого чувства. Если поставленіе у народовъ князей изъ одинаго рода, съ одной стороны, способствовало обобщенію самихъ народовъ, то съ другой — поддерживало и особенныя етихи каждаго изъ нихъ; чѣмъ болѣе развѣтвлялись удѣлы, тѣмъ невообразимѣе казалось соединеніе противъ князей: народныя побужденія переплелись съ княжескими. Значеніе князя совпало съ народными убѣжденіями. вмѣстѣ съ образованіемъ стремленій, порожденныхъ между князьями родовыми или семейными побужденіями, начали выливаться наружу слегка - подавленные стремленія народныя. Собственно князья, въ распредѣленіи своихъ волостей, не сообразовались строго съ народностями, не думали, чтобъ одинъ или другой изъ ихъ собратій владѣлъ тѣмъ или другимъ племенемъ. Когда Ярославъ дѣлитъ своимъ дѣтямъ волости, то говоритъ: одному Кіевъ, другому Черниговъ, третьему Переяславль, четвертому Владиміръ, пятому Смоленскъ; а не говоритъ: этому Полянъ, другому Древлянъ, третьему Вельшнянъ, и такъ далѣе. Еще болѣе: Всеволодъ получаетъ Переяславль и вмѣстѣ съ нимъ Ростовъ, который не имѣетъ съ Переяславлемъ ни географическаго, ни этнографическаго сближенія. Народныя интересы сами собою стали пробиваться сквозь путаницу княжескихъ междоусобій, совершенно подчинили своему направленію княжескія побужденія, и хотя сами измѣняли свой характеръ, но за то и характеры княжескихъ отношеній сообразовались съ ними.

Прежняя мѣстная самобытность обозначалась въ томъ же, или приблизительно въ томъ же, порядкѣ; части начали проявлять свою самобытную жизнь одна за другою. Правда, нѣсколько болѣе мелкихъ народностей объединились, за то докончились, опредѣлились и укрѣпились большія, слитыя изъ меньшихъ. Такимъ образомъ, первая, выступившая самобытно наружу, была народность Славянъ Новгородскихъ, — потомъ Кривичей. Новгородцы, призвавшіе князей, какъ будто срова-

дили ихъ отъ себя на Югъ и вскорѣ являются съ началами независимости и отдѣльности. Не теряя связи ни съ княжескимъ родомъ, ни съ остальною Русью, подъ управленіемъ лицъ одного рода, Новгородцы стали выбирать себѣ князей, изъ среды этого рода, по своему желанію, и такимъ образомъ начали свою самобытную исторію. Явились и развивались у нихъ интересы, имъ однимъ принадлежавшіе, подчинялись Чудекія племена имъ исключительно, а не всей Русской землѣ, развилось понятіе о волости Новгородской отдѣльно отъ прочихъ Русскихъ волостей, начали обозначаться болѣе или менѣе видныя границы. Выказываютъ свое самобытное существованіе и Кривичи, но это многочисленное племя не представляло вполне гармоніи поземельнаго единства. Одна часть ихъ, съ первенствомъ Полоцка, начинаетъ жить своеобразною жизнію, подъ властію—сперва Рогволода, потомъ—потомковъ перваго сына Владимірова; Земля ихъ, въ свою очередь, дробилась на мелкія княжества; не рѣдко эти части воевали между собою, но всегда сохраняли взаимное тяготѣніе, какъ части одной группы по отношенію къ другимъ частямъ Руси. Въ другой части Кривской земли, въ Смоленскѣ съ пригородами, образовалась другая половина, дробившаяся также на части, которыя все вмѣстѣ составляли одну группу, одну Землю. Псковская народность составляла переходъ отъ Кривской къ Новгородской; здѣсь племя Кривичей смѣшалось съ племенемъ Ильменскихъ Славянъ; вѣроятно, въ незапамятной древности Славяне — пришельцы съ Дуная, поселялись тамъ между старожилами Кривичами и дали начатокъ смѣшанной переходной народности. Псковская Земля, со своими пригородами, сначала составляла часть Новгородской Земли, но народность ея имѣла свои отличія и, потому, залогомъ собственнаго самосуществованія; она не примкнула къ Землѣ Полоцкой, ибо уже отошла отъ чистой Кривской народности, но держалась слабо въ единствѣ съ Новгородскою, стремилась къ отдѣльной жизни и въ слѣдствіи достигла этого. До сихъ поръ нарѣчіе Псковское есть переходъ отъ Бѣлорусскаго къ Новгородскому; точно также Смоленское есть переходъ отъ того же Бѣлорусскаго къ среднему Великорусскому говору. Зачатки народныхъ особенностей по нарѣчіямъ, вѣроятно, существовали и въ отдаленной древности на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ теперь, хотя бы и не въ тѣхъ видахъ. Неизвѣстно, когда Смоленская Кривская Земля сформировалась въ удѣльномъ укладѣ,—съ Мстислава ли Владиміровича съ котораго княженіе Смоленское осталось навсегда у его дѣтей, или прежде, потому что и посаженіе князей Вячеслава и Игоря, и присоединеніе его къ Переяславскому княженію суть явленія случайныя

скоропреходящая, и не показывают народной зависимости отъ другаго края. Народная жизнь шла своимъ путемъ, былъ ли такъ или иначе соединенъ или раздѣленъ край административно; прочность и вліяніе административныхъ отношеній, въ то время слабо скользившихъ по народному быту, могли быть дѣйствительными только тогда, когда они сливались съ народными побужденіями. Смоленскіе Кривичи, какъ и прежде, до пришествія Рюрика (что доказывается неучастіемъ ихъ съ Новгородцами и другими Кривичами въ призваніи князей и въ приступленіи къ этому сѣверному союзу при Олегѣ), жили своею жизнью, отличною отъ другихъ Кривичей. Въ XII вѣкѣ, однако, Смоленскъ показывалъ болѣе живой связи съ остальною Русью чѣмъ другіе Кривичи и Новгородъ, гдѣ связь эта была слабѣе. Во всей остальной Руси обозначается своеобразное натуральное направленіе жизни съ половины XII вѣка, то есть, когда послѣдовало ослабленіе связующей власти, и чрезъ то самое ощутительнѣе выступили наружу существовавшія и прежде народныя начала. Но мы не въ правѣ думать, что формы отдѣльныхъ народностей тогда и возникли, когда являются на политической сценѣ и оказываютъ признаки самостоятельности по извѣстнымъ намъ лѣтописнымъ сказаніямъ. Въ этотъ вѣкъ княжескіе подѣлы и разграниченія, чрезъ самое свое раздробленіе, стали въ уровень съ этнографическими подѣлами и подчинились народнымъ началамъ, а потому послѣднія и выказываются уже ощутительнѣе, но онѣ самимъ дѣломъ существовали и прежде; ибо ихъ слѣды слишкомъ видны и ранше. Такимъ образомъ, хотя съ половины XII вѣка ясенѣе выказывается самобытность Черниговской и Новгородъ-Сѣверской Земель, однако эта самобытность виднѣется уже и прежде, при большей крѣпости связующаго уклада. Половину XII вѣка можно считать только эпохою соединенія княжескихъ побужденій съ народными и обозначенія формъ, которыя сами собою, свободно, должны были, по этнографическимъ причинамъ, явиться въ частяхъ Русскаго края, какъ только ослабнутъ препятствовавшія ихъ явленію связи. Но отнюдь то не была эпоха порожденія народныхъ стихій, которыя облекались въ эти формы. Дѣленіе по княженіямъ, въ этомъ случаѣ, уступало натуральному дѣленію по народамъ. Дѣленіе вмѣстѣ съ тѣмъ нашло предѣлъ своему безконечному развѣтвленію; народности указали ему границы: дѣленіе продолжалось, но уже новыя вѣтви держались связи между собою въ такихъ кругахъ, какіе указывали имъ народности. Такимъ образомъ, на Волыни было множество князей и, слѣдовательно, княженій, какъ и въ Бѣлоруссіи, или въ Кривской Землѣ, но эти княженія были, по мѣстности, непостоянны, измѣ-

няли свои предѣлы, то здѣсь, то тамъ появлялся князь, но единица Во-
льнской Земли, единица Кривеской Земли, оставались одиѣ и тѣ же и всеѣ
князья одной Земли между собою всегда въ тѣснѣйшей связи: ихъ кня-
женія имѣли смыслъ одной группы владѣній, одного нераздѣльнаго, обра-
зованнаго внутреннимъ единствомъ, округа. Понятіе о Землѣ обнимало ту
или другую Русскую народность въ извѣстномъ пространствѣ, по ея раз-
мѣщенію на этомъ пространствѣ. Оно выразилось въ жизни признаніемъ
первенства главнаго города и тянувшихъ къ нему пригородовъ; оно свя-
зывалось цѣнью взаимнаго народнаго управленія, независимо отъ кня-
жескаго. Въ томъ или въ другомъ пригородѣ появлялся одиѣ и другой
князь, бралъ свои пошлыны, набиралъ себѣ дружину и оборонялъ городъ
и принадлежащую къ нему территорію отъ непріятелей, но въ земскихъ
дѣлахъ пригороды тянули къ городу, — какъ говорить лѣтописецъ: *что
старѣйшіе здумаютъ, на томъ пригороды стануть*. Къ каждому
пригороду тянула волость, состоявшая изъ селъ, находившая себѣ обо-
рону въ силахъ города. Все города тянули къ главному городу. Это со-
ставляло Землю. Это-то сознаніе Земли выражается въ актахъ, слова-
ми: *Русская Земля, Полоцкая Земля, Ростовская Земля, Нов-
городская Земля*. Въ томъ же значеніи дается это названіе и чуж-
дымъ сосѣднимъ странамъ.

Такимъ образомъ, послѣ показанныхъ нами, отдѣленныхъ уже заранѣе,
Славянъ Ильменскихъ подъ видомъ Великаго Новгорода, — Кривичей, въ видахъ Земель: Смоленской и Полоцкой со всею зависимою отъ
понятія о Землѣ системою Бѣлорусскихъ княженій, и наконецъ переход-
ной Псковской народности съ территоріею, прилегавшею къ озеру, — мы
встрѣчаемъ ереднюю Великорусскую народность въ двухъ отдѣлахъ, со-
ставившихъ понятія о Земляхъ: Землю Ростовско-Суздальскую и Землю
Вятскую (Вятичей). Между народностями ихъ должно было издревле су-
ществовать различіе. Въ Ростовско-Суздальской Землѣ Славянское на-
селеніе, вѣроятно, наплыло туда изъ Новгородской Земли, посунулось изъ
сосѣдней Вятской и дополнилось переселенцами съ Юга, которые шли ту-
да въ толпахъ княжескихъ дружинъ, по раздѣленіи Русскаго міра на от-
дѣльныя княженія. Эти Славянскіе пришельцы смѣшались съ туземцами
Востоchno-Финскаго племени, и изъ такой смѣси образовался Великорус-
скій народъ. Самобытность этой Земли ясно обозначается въ лѣтописяхъ
съ половины XII вѣка. Земля Вятичей раздѣлялась въ этнографическомъ
отношеніи на двѣ вѣтви: Восточную или Рязанскую, и Западную, населяв-
шую берега Оки съ ея притоками, была соединена, по княжескому упра-

вленію, съ Сѣверскою Землею, но потомъ, когда понужена была свобода народнымъ элементамъ, она начала выдѣляться и приняла естественное очертаніе. Рязань стала центромъ, около котораго группировались другія части.

На юго-западъ отъ Земли Вятской мы встрѣчаемъ Землю Сѣверскую, которая также раздѣлялась по народностямъ на двѣ половины: Черниговскую и Новгородъ-Сѣверскую. До нашего времени этотъ народъ остался со своими чертами, напоминающими древнее самораздѣленіе его. Нужно только взглянуть пристальнѣе въ народныя черты уѣздовъ: Суражскаго, Мглинскаго, Стародубскаго и другихъ Задесенскихъ, до самаго Чернигова: по нарѣчію, по образу жизни, даже по физической структурѣ, народъ этотъ составляетъ средину между Южнорусскимъ, Великорусскимъ и Бѣлорусскимъ. Сѣверія составляла, въ удѣльный періодъ, самобытное цѣлое, но болѣе имѣла тяготѣнія къ Югу, чѣмъ къ Сѣверу.

Обширная и разнообразная Южно-русская народность, въ удѣльный періодъ, обособилась системою частей, образующихъ одну Землю. Древніе Поляне образовали два княженія: Русское и Переяславское, но народность ихъ была одна, и потому Переяславль съ Кіевомъ всегда составлялъ одно тѣло, одну связь, и самые князья, тамъ сидѣвшіе, подчинялись единству народности въ своихъ стремленіяхъ. Переяславскіе князья не могли принять направленія, чтобъ обособиться отъ Кіева, какъ другіе, княжившіе среди народностей, болѣе отдаленныхъ отъ народности Русской, иначе — народности Полянъ. Другой видъ Южно-русской народности былъ — Древлянскій — Полѣсье, народность Полѣщуконъ, существующая и теперь, но, послѣ древняго погрома отъ Полянъ, не развившаяся до такой степени, чтобъ начать свое самобытное существованіе въ отдѣльности отъ прочихъ частей Южной Руси. По близости къ Полѣсью на Западъ, означилась Волынская земля съ своими подраздѣленіями и княженіями; земля Улучей — Подоль — приняла образъ самобытности въ системѣ княженій бологовскихъ князей, о которыхъ, къ сожалѣнію, извѣстно слишкомъ мало, но и того достаточно, чтобы видѣть, что въ этомъ краѣ также было народное стремленіе къ самобытнымъ проявленіямъ жизни. Тиверцы на Днѣстрѣ и Хорваты въ Червоной Руси по границамъ къ Карпатамъ, вѣроятно, близкія между собою вѣтви, явились въ политическомъ образѣ частнаго княженія, подобно Землѣ Кривской, и эта земля оказала очень явное стремленіе къ большому, противъ многихъ другихъ земель, обособленію, хотя не теряла окончательной нравственной связи съ Русскимъ міромъ, до самого выступленія своего изъ него. Поляне, Улучи,

Тиверцы, Хорваты, Вельняне были вѣтви очень близкія между собою, такъ что, хотя Полянѣ и Вельнянѣ помѣщаютъ въ числѣ пришедшихъ съ Дуная, а остальные являются древними обитателями, но, вѣроятно, Поляне и Вельняне прежде жили на Дунаѣ, по близости къ Улучамъ, которые также прилегали нѣкогда къ Дунаю. Напротивъ, Древляне и Дреговичи, пришедшіе также съ Дуная, были, вѣроятно, изъ мѣстъ болѣе отдаленныхъ отъ Улучей. И теперь, по нарѣчію и образу жизни, Украинцы ближе къ Подолянамъ и Волянцамъ, чѣмъ къ Полѣщукамъ и Пинчукамъ. Хорваты и Тиверцы возвратились къ началамъ прежней частной отдѣльности. Какъ только князья Рюрикова дома, сыновья князя Ростислава, сдѣлались князьями въ Галичѣ, тотчасъ же усвоили народное стремленіе къ самобытности. Волянь и Подоль держались долѣе связи съ Кіевомъ, и съ Полѣсьемъ, но послѣ паденія великокняжескаго достоинства въ Кіевѣ, примкнули къ Галичу и вошли въ круговоротъ обстоятельствъ, касавшихся обоюднo этихъ странъ. Затѣмъ, и Полѣсье, и наконецъ Русь, болѣе или менѣе показывали стремленіе примкнуть къ новому центру, образовавшемуся въ Галичѣ. Судьба южно-русскихъ вѣтвей всегда была неразрывна, даже до послѣдняго подчиненія Галича Польшѣ, а Воляни, Подоли и Руси Литвѣ. Оба эти государства спорили за единую власть надъ всею Южной Русью, сознавая ея народное единство; и наконецъ, въ XVI вѣкѣ, Южная Русь опять, въ совокупности своихъ этнографическихъ особенностей, вошла въ соединеніе съ Польшею, какъ единое тѣло, отличнo отъ Бѣлоруссїи, земли Кривской. Части ея: Украина (т. е. Русь съ Подолью), Полѣсье, Волянь, Червоная Русь, при всякомъ народномъ дѣйствїи, показывали взаимное тяготѣніе и сознание своей внутренней связи и нераздѣльности. Поэтому и Русь-Полянѣ, и Полѣсье, и Волянь, и Подоль, и Русь Червоную, всѣ части южно-русской земли и южно-русской народности, съ ихъ частными особенностями, слѣдуетъ разсматривать, какъ единую Южно-русскую Землю, всѣ неисчисленныя части которой, относительно общей своей связи, соединены еще тѣснѣе, чѣмъ въ Великой Руси Вятичи, Рязань и Суздаль въ отношенїи общей народной связи велико-русскаго элемента.

Такимъ образомъ, въ первой половинѣ нашей исторїи, періодѣ удѣльно-вѣчеваго уклада, народная ступня общерусская является въ совокупности шести главныхъ народностей, именно: 1) Южно-русской, 2) Сѣверской, 3) Велико-русской, 4) Бѣлорусской, 5) Полѣвской и 6) Новгородской.

Теперь слѣдуетъ намъ указать на тѣ начала, которые условливали между ними связь и служили поводомъ, что всѣ онѣ вмѣстѣ носили и

должны были носить названіе общей Русской Земли, принадлежали къ одному общему составу, и сознавали эту связь, не смотря на обстоятельство, склонившія къ уничтоженію этого сознанія.

Эти начала:

- 1) Происхожденіе, бытъ и языкъ.
- 2) Единый княжескій родъ.
- 3) Христіанская вѣра и единая церковь.

Что происхожденіе пришлыхъ Славянъ было между ними памятно и служило для нихъ признакомъ единства, частію это достаточно видно изъ сказаній въ началѣ нашихъ лѣтописей о прибытіи Славянъ съ Дуная. И теперь самое названіе «Дунай» между другими общими признаками представляетъ что-то общее для русекихъ племенъ: въ пѣсняхъ велико-русскихъ и малорусскихъ, имя «Дунай» остается однимъ изъ немногихъ общихъ, для тѣхъ и другихъ заветныхъ собственныхъ именъ. Безъ сомнѣнія, въ древнія времена, янѣе, живѣе и общиѣе были воспоминанія народовъ о приходѣ ихъ предковъ съ Дуная. Такимъ образомъ пришельцы сознавали единство общаго своего происхожденія. Полянинъ могъ враждовать съ сосѣдомъ своимъ Древляниномъ, но помнилъ, что онъ одного съ нимъ происхожденія и пришелъ съ одного мѣста; вражда могла быть ожесточенною, но не могла потерять характера домашней; у враговъ были однѣ и тѣ же старыя преданія, пѣсни, которыя ихъ сближали, и указывали тѣмъ и другимъ на взаимное родство. Память объ общихъ герояхъ, прародителяхъ, носилась надъ племенами дыханіемъ поэзіи. Какъ помнилось происхожденіе это — можно видѣть изъ того, что Славяне Новгородскіе долго и долго имѣли тяготѣніе къ Кіеву; это объясняется тѣмъ, что жители береговъ Ильменя были вѣтвью Полянъ: ихъ нарѣчіе до сихъ поръ показываетъ близость къ Южно-русскому.

Вмѣстѣ съ преданіями о происхожденіи соединяла Славянъ и общность основъ въ ихъ обычаяхъ и правахъ. Хотя каждое племя, какъ передаютъ намъ древніе лѣтописцы, и имѣло свои преданія, свои обычаи, законы своихъ отцевъ, но въ томъ, что принадлежало одному изъ племенъ въ особенности, заключалось въ главныхъ чертахъ много такого, что составляло сущность жизненныхъ началъ другаго племени. И теперь народныя пѣсни, у всѣхъ Славянъ чрезвычайно разнообразныя, имѣютъ много общаго и одинаго. Въ пріемѣ и способѣ выраженія встрѣчается сходство въ пѣсняхъ народовъ, отдаленныхъ другъ отъ друга и по географическому положенію, и по исторіи. Такъ въ пѣснѣ: »о Мар-

кѣ Кралевицѣ» встрѣчается образъ, что этотъ герой посаженъ въ темницу, долго сидѣлъ и не зналъ ни зимы, ни лѣта; дѣвицы шли мимо тюрьмы и бросили въ тюрьму цвѣтокъ; по этому онъ узналъ, что тогда было лѣто. Такой же образъ мы находимъ въ одной малорусской пѣснѣ о »Левенченкѣ«. Въ сербскихъ пѣсняхъ разсказывается исторія »кровосемѣителя«; та же исторія сохранилась въ народныхъ великорусскихъ сказанiяхъ и нѣкогда своевольно примѣнялась и къ житiямъ разныхъ святыхъ; обломки ея видны и въ пѣсняхъ южнорусскихъ. Можно найти много такихъ событiй, которыя воспоминаются въ пѣсняхъ разныхъ Славянскихъ народовъ одинаково, и, безъ сомнѣнiя, суть остатки древнихъ мiологическихъ преданiй, общихъ болѣе или менѣе всему племени. Напримѣръ, описанiе, какъ дѣвица извлекаетъ изъ воды своего суженаго, превращенiе замужней женщины въ кукушку (въ этомъ видѣ прилетаетъ она къ матери), приходъ мертвой матери къ своему дитяти изъ гроба, превращенiе въ дерево невѣстки, преслѣдуемой злой свекровью, исторiи похищенiй божества, преданiя о змѣяхъ и королевнахъ и о борьбѣ съ ними богатырей. Такихъ признаковъ не исчислить въ области Славянской поэзи. Сравнивая пѣсни обрядныя и самые обряды, легко найти между ними сходство и въ тонѣ, и въ содержанiи. Много старыхъ обычаевъ, обрядовъ, вѣрованiй удерживается въ сходномъ видѣ у Славянскихъ народовъ, не смотря на то, что они не могли замѣтывать ихъ другъ отъ друга. Напримѣръ, Купальскiй огонь и дерево Марены, погребенiе лѣта въ видѣ чучела, обычай Коляды, хороводныя пляски и игры—общiя черты. Все это доказываетъ нагляднымъ образомъ, что, въ древности, Славянскiя племена, въ основахъ своей духовной жизни, имѣли одинакiе вѣрованiя, обычаи и религiозные обряды.

Между прочимъ, особенно поразительно сходство религiозныхъ обрядовъ, отправлявшихся нѣкогда при храмѣ Святoviда у Прибалтiйскихъ Славянъ съ нашими домашними и гадальными обрядами, какъ напримѣръ между гаданьемъ посредствомъ Свантовитова коня и нашимъ такимъ же гаданьемъ посредствомъ перевода коня черезъ бревно, или между обрядами на праздникѣ жатвы при храмѣ Свантовита и малороссiйскими обрядами въ сочельникѣ. При недостаточности свѣдѣнiй о древней нашей мѣстной мiологiи, можетъ показаться, что у Славянскихъ народовъ были такiя божества и такiя вѣрованiя и обряды, которые были совершенно чужды другимъ соплеменникамъ; но въ самомъ дѣлѣ не такъ было: достаточно можно это видѣть и изъ сходства того, что дѣлалось въ Арконѣ и Ретрѣ, съ тѣмъ, что дѣлается въ Малороссiи и Великороссiи. Ми-

оологическія имена, теперь уже исчезнувшія у насъ и извѣстныя только у древнихъ Западныхъ Славянъ, въ самомъ дѣлѣ входили и въ кругъ нашихъ вѣрованій, напримѣръ Сварожичъ, божество Лужичанъ, по Дитмару, является мнѳологическимъ именемъ у насъ, по нашимъ памятникамъ. Названіе Вилы, извѣстное по Сербскимъ пѣснямъ, въ древности давалось и у насъ фантастическимъ существамъ, какъ доказываетъ слово Христолюбца; также точно открывается, что Берегини, богини Чешскія, были и нашими. Названіе Марены, о которомъ мы знаемъ изъ Забоя, Славоя и Людека, по Краледворской рукописи, да изъ Польскихъ лѣтописцевъ, что это—божество смерти и зимы, было и у насъ, какъ показываетъ названіе купальнаго древа Марены. Прочитавъ въ »Любушиномъ Судѣ« описаніе, какъ Любуша сидѣла на тронѣ, окруженная дѣвами, державшими символическіе знаки, мечъ и праводатныя доски, какъ при нихъ стояли вода и огонь, — невольно представляется малороссійская свадьба, гдѣ женихъ съ невѣстою сидятъ на посадѣ, а передъ ними два символическія лица держатъ: одно—мечъ, а другое—свѣчу. Умыканье у водъ дѣвицъ сохранилось до позднѣйшихъ временъ у Черногорцевъ.

Еще знаменательнѣе этихъ остатковъ язычества, исчезавшихъ вмѣстѣ съ христіанствомъ, общія Славянамъ начала общественнаго строя. Вѣчевое начало было родное всѣмъ Славянамъ и въ томъ числѣ всѣмъ Славянамъ Русскимъ. Повсюду, какъ коренное учрежденіе народное, является *въче*, народное сборище. Самое выраженіе *въче* есть названіе общее всѣмъ Славянамъ Русскимъ какъ въ Кіевѣ и на Волини, такъ и въ Ростовѣ и Новгородѣ; во всѣхъ углахъ и краяхъ Руси употребляютъ одно и то же названіе самага драгоценнаго и важнѣйшаго явленія народной самобытности. Въ любви къ свободѣ Славяне Русскіе хранили завѣтное чувство всего своего племени, и что говорятъ о свободолюбіи Славянъ Прокопій, Маврикій и Левъ Мудрый, то сохранялось долго у Русскихъ Славянъ, не смотря на противодѣйствующія обстоятельства. Вѣчевое устройство должно было дѣйствовать соединительно на Русскій народъ. Уже одно общее имя *въча* у всѣхъ Русско-Славянскихъ народовъ къ этому располагало. Собранія народныя соединяли людей часто разнородныхъ, особенно тогда, когда на собраніе сходились изъ нѣсколькихъ городовъ. Вообще не было нигдѣ строгихъ правилъ, запрещавшихъ тому или другому участвовать въ этихъ собраніяхъ; мы, напротивъ, видимъ, что участвовали отъ мала до велика; перешедшій изъ одного славянскаго города въ другой видѣлъ такое же собраніе, какъ и у себя, также безъ стѣняющихъ правилъ, вольное, широкое, и входилъ въ него лег-

ко. Вездѣ существовало раздѣленіе на города и пригороды, зависѣвшіе отъ городовъ; вездѣ города были главами и центрами Земель. Всѣ коренные обычаи, не только домашніе и религіозные, но и общественные, по сходству началъ своихъ, должны были поддерживать сознание единства племени Русско-Славянскаго.

Не смотря на различіе русскихъ нарѣчій, между ними существовало всегда столько сродства, сколько нужно было, чтобъ каждый народецъ, говорившій тѣмъ или другимъ русскимъ нарѣчіемъ, видѣлъ въ другомъ единоплеменномъ, сосѣднемъ народѣ, родственное себѣ по сравненію съ другими народностями. Броженіе и поселеніе между Славянами иноплеменниковъ столько же помогали сохраненію между ними сознания о племенномъ единствѣ, сколько мѣшали фактическому соединенію народовъ. Каждое Славянское племя могло смотрѣть на другое, какъ на отличное отъ него во многомъ и не сознавать сродства своего съ нимъ только до тѣхъ поръ, пока не знакомилось съ такимъ народомъ, который равнымъ образомъ чуждъ обоимъ. Тогда изъ сравненія являлось понятіе о близости и возможность сознания единства. Мы имѣемъ случай наблюдать это въ наше время. Великоорусь-простолюдинъ не сознаетъ родства своего съ Полякомъ, когда встрѣчается съ нимъ одинъ на одинъ, но сознание это сейчасъ пробуждается, какъ скоро случай приведетъ его сравнить Поляка съ Нѣмцемъ или Татаринемъ. Такъ, въ древности, Полянинъ, встрѣчаясь съ Печенѣгомъ, долженъ былъ замѣчать, что съ нимъ у него нѣтъ сродства въ языкѣ, а напротивъ есть съ Вятичемъ, и отсюда возникало сознание, что Вятичь ему родной. Невозможно теперь показать, въ какомъ отношеніи между собою находились народныя нарѣчія въ древности по сравненію съ настоящимъ ихъ положеніемъ. Въ наше время, въ кругу племенъ Финскихъ Восточной Россіи и Кавказа, близкія по сосѣдству одноплеменные народности не понимаютъ другъ друга; это наводитъ на предположеніе, что въ древности наши нарѣчія были между собою отдаленнѣе, чѣмъ теперь. Съ другой стороны, напротивъ, письменные памятники показываютъ, что вообще у Славянскихъ народовъ, въ языкахъ, были такія общія формы и слова, которыя теперь составляютъ достояніе только частныхъ нарѣчій. Что касается до связи между собственно Русско-Славянскими нарѣчійми, то всѣ они имѣли еще тѣ общіе признаки, которые были имъ свойственны какъ одной особой семьѣ Славянскаго рода. При ознакомленіи съ другими Славянскими народами, напримѣръ съ Поляками или Болгарами, неизбѣжно выставлялось предъ глаза сравнительно большее сходство народовъ русскаго материка между собою, чѣмъ каждаго изъ нихъ

съ прочими Славянами. Въ древности, какъ и теперь, существовали общіе русскимъ нарѣчіямъ филологическіе признаки, которыхъ не было, или которые иначе сложились, у другихъ Славянъ. Эти признаки сохранились въ нашихъ лѣтописяхъ сквозь церковно-книжную одежду, и указываютъ на существованіе особенностей, отличавшихъ говоръ всѣхъ Русскихъ нарѣчій отъ другихъ Славянскихъ. Таковы, напримѣръ: смягченіе согласныхъ, вставка гласныхъ *о* и *е*, съ переменною *а* въ *о*, тамъ гдѣ въ другихъ нарѣчіяхъ ставится двѣ согласныхъ: *правъ* — *норовъ*, *о* вмѣсто *е*, въ словахъ: *олень*, *одинъ*, вмѣсто *елень*, *единъ*; окончанія на *т* съ твердымъ или мягкимъ полугласнымъ звукомъ въ третьемъ лицѣ изъявительнаго склоненія; замѣненіе глухихъ и носовыхъ звуковъ чистыми, и проч. Такимъ образомъ, Славянинъ какого бы то ни было Русскаго народца видѣлъ, въ Славянинѣ другой, своей же, вѣтви, болѣе родную для себя стіхю, во-первыхъ по еравненію съ не-Славянскими племенами, окружавшими Славянъ, а во-вторыхъ и по еравненію съ иными Славянскими вѣтвями. Полякъ для Кіевлянина долженъ былъ представляться болѣе далекимъ, чѣмъ Славянинъ Новгородскій. Строй языка и говоръ много содѣйствуютъ образованію понятія о близости или отдаленности народныхъ особенностей; чѣмъ ближе говоръ, чѣмъ роднѣе языкъ въ чужомъ человѣкѣ, тѣмъ больше склонности считать этого челоѣка въ общительности съ собою. Естественно, что самыя близкія, хоть нѣсколько отличныя по говору, вѣтви народа, могли скорѣе слиться въ одно тѣло, чѣмъ тѣ, рѣчь которыхъ представляла затрудненія къ удобному взаимному пониманію; равнымъ образомъ, послѣднія, болѣе отдаленныя, чѣмъ первыя, могли быть ближе третьихъ, представляя условія для ближайшаго и скорѣйшаго соединенія между собою, чѣмъ съ этими третьими. Наконецъ, эти третьи, при всѣхъ отличіяхъ, имѣли вмѣстѣ съ тѣмъ достаточный запасъ общихъ признаковъ, чтобъ и о нихъ составилось понятіе, какъ о родныхъ, и такъ могла образоваться съ ними связь, нѣсколько уже слабѣйшая, чѣмъ со вторыми и третьими. Такимъ образомъ, чувствовалась различная степень свойствъ и вмѣстѣ съ тѣмъ различная степень единенія. Кіевлянинъ былъ ближе къ Древлянину, чѣмъ къ Кривичу и Вятичу; Галичанинъ ближе къ Волянку, чѣмъ къ Кіевлянину, ближе къ Кіевлянину, чѣмъ къ Сѣверянину, ближе къ Сѣверянину, чѣмъ къ Ростовцу или Рязанцу: и на этомъ основаніи завязывается болѣе тѣсная связь Галича съ Волянью, чѣмъ съ Кіевомъ, чѣмъ съ Черниговомъ, тѣснѣе съ Черниговымъ, чѣмъ съ Ростовомъ; но Ростовецъ, отдаленный по мѣстоположенію, былъ для Галичанина родственно близко живу-

щаго Болгарина или Поляка. Кіевлянинъ чувствовалъ себя отдѣльнымъ въ отношеніи къ Древліанамъ и Волинцамъ, но въ равной степени, вмѣстѣ съ Древліанами и Волинцами, чувствовалъ себя отдѣльнымъ отъ Вятчей. Наконецъ, вмѣстѣ съ Вятчами, онъ чувствовалъ свое общее единство и отдѣльность отъ Поляка и Болгарина, и оттого между Кіевлянами, Древліанами и Галичанами образовалась взаимная связь скорѣе и тѣснѣе, чѣмъ у каждаго изъ нихъ съ Вятчами; но, съ другой стороны, и положеніе Вятчей въ отношеніи всѣхъ первыхъ трехъ было таково, что извѣстная близость ихъ нарѣчій не дозволила имъ совершенно разойтись. Точно также и Вятчъ Рязанскій чувствовалъ свою отдѣльность отъ Ростовца или Москвича, но въ отношеніи Кіевлянина онъ составлялъ съ Ростовцемъ и Москвичомъ одну народность. Съ народностями совершается такая судьба, что большому или меньшему ихъ сближенію, отъ простаго чувства народнаго сходства до положительныхъ стремленій къ слитію, способствуетъ столкновеніе съ такимъ единоплеменнымъ народомъ, котораго особенности равно одинаково близки и одинаково далеки и тѣмъ и другимъ; какъ и соединенію всего племени или племенной вѣтви, состоящей изъ многихъ народовъ, можетъ способствовать столкновеніе съ массою иноплеменниковъ.

Намъ возразятъ въ этомъ случаѣ, что мы признаемъ слишкомъ глубокую древность за тѣми этнографическими особенностями, которыя, можетъ быть, возникли уже впоследствии. Утверждаютъ, что настоящія нарѣчія и отбѣнки Русской рѣчи явились уже послѣ. Древность Малорусскаго языка была не очень давно предметомъ ученаго спора, нерѣшеннаго надлежащимъ образомъ: выходило то, что какъ скоро одна сторона находила въ словахъ и оборотахъ чисто Малорусскій складъ, противная отыскивала подобное въ областныхъ великорусскихъ нарѣчійяхъ. Это оттого, что обращали вниманіе на сходные или несходные признаки по частямъ, а не въ ихъ совокушности. Не споримъ, что образъ, въ какомъ является нарѣчіе и говоръ теперь, составилъ позже, но намъ кажется, что на тѣхъ же мѣстахъ существовали неконечныя прародительскія отличія: отъ чего именно въ тѣхъ предѣлахъ является система удѣльныхъ земель, въ которыхъ до сихъ поръ мы видимъ размѣщеніе разныхъ русскихъ нарѣчій? Отъ чего Бѣлорусскимъ нарѣчіемъ говорятъ именно тамъ, гдѣ были Кривичи, и вся страна, гдѣ говорятъ имъ теперь, образовала *Землю Кривскую*; сознававшую свое единство и отличіе отъ другихъ? Неужели Бѣлорусское нарѣчіе образовалось, какъ нѣкоторые думали, отъ смѣшенія Великорусскаго съ Польскимъ? Отъ

чего же въ Юго-Западной Руси, которая также, даже еще крѣпче, была соединена съ Польшею, не образовалось такой же смѣси? Отъ чего жъ эта смѣсь сохранилась въ Смоленской губерніи, которая, если и была нѣсколько времени подъ властью Польши, то слишкомъ мало для того, чтобъ усвоить *смѣсь* одинакую съ Бѣлоруссами, которые были въ соединеніи съ Польшею много вѣковъ. Не споримъ, что какъ въ Бѣлорусскомъ, такъ и въ Южно-русскомъ нарѣчіяхъ есть вліяніе польскаго элемента, есть слова и обороты, вошедшія въ нихъ въ послѣдствіи, но такъ какъ основы народности и говоры различны, то, очевидно, и прежде въ Бѣлоруссіи и въ Южной Руси существовали своеобразныя свойства, при которыхъ самое сближеніе съ Польшею выразилось иначе и въ томъ и въ другомъ краѣ. Въмѣсто княжествъ, въ удѣльные времена образовались системы княженій и волостей болѣе или менѣе согласно съ тѣмъ развѣтвленіемъ народностей, какое мы застаемъ въ послѣдствіи и теперь, и какое, съ другой стороны, указываетъ на первыхъ страницахъ нашихъ лѣтописей. Эти системы волостей, или Земли, располагались согласно съ нынѣшними этнографическими особенностями. Гдѣ были Кривичи, тамъ нынѣ Бѣлоруссы, тамъ образовалась Земля, — система княженій и волостей, имѣвшихъ взаимную связь, — и такъ вошла во владѣнія Литовскія. Гдѣ теперь видѣнъ переходъ отъ Бѣлоруссовъ къ Новгородцамъ и смѣшанное нарѣчіе, тамъ образовалась Псковская Земля; гдѣ были Русь-Поляне — тамъ теперь Украинцы, тамъ была система волостей Русской земли; гдѣ Древляне, тамъ Полѣщуки; гдѣ Дулебы и Вельняне — тамъ Волиныцы, — тамъ была система волостей Волинской земли; гдѣ Хорваты — тамъ Червоно-Руссы, тамъ Галицкая Земля; гдѣ были Улучи, тамъ Подоляне, тамъ были Бологовскіе князья. На Волини образовалась группа княженій и волостей, имѣвшихъ одно тяготѣніе съ Галичемъ; и теперь мы видимъ на Волини особый отбѣнокъ народности, очень близкій къ Червонорусскому; какъ Украина по-Днѣпровская нѣсколько дальше и теперь отъ Червоной Руси въ этнографическомъ отношеніи, чѣмъ Волинь, — такъ и въ старину Галицкая Земля имѣла ближайшее взаимное тяготѣніе съ Волинью, чѣмъ съ Русью Кіевскою. Но Украина по-Днѣпровская не имѣетъ, однако, отъ Червоной Руси на столько отбѣны, чтобы между ними потерялась связь единородности; такъ и въ удѣльный укладъ, не смотря на явленія, противодѣйствующія къ слитію Червоной Руси съ Русью Кіевскою, эти земли все-таки вращались въ одной общей сферѣ. Всѣ отбѣны Южнорусской народности имѣли между собою столько сходныхъ общихъ признаковъ, что, съ устраненіемъ въ нихъ мелочей, представлялась одна народность,

по сравненію съ другими такими же группами, отличными отъ всѣхъ ихъ вмѣстѣ. И теперь мы видимъ, что всѣ этнографическія особенности совершенно сообразны съ системою развѣтвленія волостей удѣльнаго уклада, и всѣ эти этнографическія особенности составляютъ сумму одной народности — Южно-русской. Такъ и княженія и волости встарину составляли одинъ общій разрядъ, связанный взаимнымъ тяготѣніемъ.

Но тутъ могутъ намъ возразить, что мы видимъ этнографическое тяготѣніе тамъ, гдѣ могло быть одно географическое отношеніе сосѣднихъ земель. Въ такомъ случаѣ мы укажемъ на Новгородъ, который долго и постоянно склонялся къ Южно-русской Землѣ, и только послѣ внутренней борьбы, когда притомъ запустѣніе Кіева лишило его тяготѣющей силы, началъ тяготѣть къ Восточной Руси, но всегда съ какимъ-то внутреннимъ противодѣйствіемъ, съ готовностію склониться въ другую сторону, если бы представился случай. Вслушайтесь въ нарѣчіе Новгородское и вы найдете въ немъ слѣды народности, болѣе близкой къ Южно-русской, чѣмъ къ Московской, слѣды хотя явные и рѣзкіе, но все таки только слѣды прежняго нарѣчія, ибо Новгородъ, внослѣдствіи, не только подвергся тѣсному соединенію съ Московскою народностію, но еще были употребляемы насильственные мѣры къ перерожденію туземной народности; однако и слѣдовъ достаточно, чтобъ признать, что Великій-Новгородъ, въ этнографическомъ отношеніи, составлялъ вѣтвь несравненно ближайшую къ южно-русской народности, чѣмъ къ Велико-русской и Кривской, и оттого-то между имъ и Кіевомъ является очевидное взаимное тяготѣніе, хотя по мѣстности онъ былъ самою отдаленною отъ Кіева Землею. Признаки Новгородскаго нарѣчія почти тѣ же, что и Южно-Русскаго: *и* вмѣсто *ъ*, *и* и *ы* часто смѣшиваются, мягкое *о* вмѣсто *е*—йому, його вм. ему, его; *у* вмѣсто *в*, *h* вмѣсто *g*, отбрасываніе *и* въ творительномъ падежѣ множественнаго числа (вм. *свои́иá*—свома́), перестановка слоговъ въ томъ порядкѣ, какъ и въ Южно-русскомъ (напр. *намастиръ* вм. *монастырь*), сохраненіе *о*, измененнаго у Великоруссовъ и Бѣлоруссовъ въ *а*, отбрасываніе *тѣ* въ третьемъ лицѣ настоящаго глаголь, *тѣ* вм. *тѣ* во множественномъ числѣ (будуть вм. *будуть*), перемѣна *е* въ *о* послѣ шипящихъ, напр. жона вм. жена; усѣченныя окончанія прилагательныхъ женскаго рода, напр. высока, добра, и сверхъ того мѣстное отличіе: *ѹ* вм. *ѣ*. Разбирая эти признаки по частямъ, можно, конечно, находить то и другое въ разныхъ областяхъ Россіи, но совокупность всего въ одномъ нарѣчій показываетъ такое поразительное сходство съ Южно-русскимъ нарѣчіемъ, что Малороссъ, услыхавъ

Новгородское нарѣчіе, изумится, если не имѣлъ прежде понятія о ихъ близости, и прійдетъ невольно къ заключенію, что народъ, говорящій такимъ нарѣчіемъ, долженъ былъ нѣкогда составлять одно съ малороссомъ. Въ землѣ Великорусской, впоследствии, совершалась перетасовка народныхъ элементовъ; произошелъ процессъ перерожденія финскихъ народностей, и примѣсь татаръ, происходили насильственные административныя переселенія, наконецъ двигалось населеніе само собою съ сѣвера на югъ и на востокъ съ промышленными цѣлями; не смотря на все это, тѣ системы, изъ которыхъ образовался Великорусскій край, имѣютъ до сихъ поръ различную физиогномію: проѣзжайте по Владимірской губерніи, по этому древнему княжеству Суздальскому — развѣ не отличенъ тамъ говоръ отъ говора Рязанскаго и Московскаго? Также точно представляются, въ этомъ отношеніи, отличными отъ Московскаго, Рязанскаго и Владимірскаго края древняя земля Вятчей, край Орловскій, Калужскій, Курскій, Воронежскій.

Насъ могутъ упрекнуть въ голословности, но мы думаемъ, что напоминаемъ нашимъ читателямъ вещи, давно извѣстныя. У насъ много писали объ этнографіи, довольно и занимались ею, да занятія наши были какъ-то односторонни: не доставало сравнительнаго изученія. Говорили о томъ, что есть, не говорили чего нѣтъ у однихъ изъ того, что есть у другихъ. Съ цѣлію изучать исторію народа по настоящимъ его этнографическимъ признакамъ никто не брался систематически. Изученіе исторіи народа должно начаться именно съ этого. Надобно изслѣдовать и привести въ ясность все виды Русской народности, во всей совокупности ихъ отличительныхъ признаковъ. Надобно отыскать: чѣмъ выражается отличіе одного края отъ другаго, съ нимъ сосѣдняго, въ нарѣчій, говорѣ, образѣ жизни, постройкахъ, одеждѣ, пищѣ, обычаяхъ, привычкахъ; надобно обозначить совокупности всехъ такихъ признаковъ, составляющихъ этнографическіе виды, показать ихъ взаимныя переходы и мѣтныя ихъ грани, и съ настоящимъ положеніемъ народностей свѣрять историческое теченіе прошедшей жизни народа. Только тогда и доберемся мы сколько-нибудь до ея уразумѣнія. Очевидно, это не легкая работа. Она тѣмъ болѣе трудна, что при самомъ тщательномъ, добросовѣтномъ, подробнѣйшемъ этнографическомъ описаніи останется еще то, что едва ли возможно описать какимъ бы-то ни было перомъ—физиогномія народа, подобно тому, какъ нельзя ни коимъ образомъ описать живаго человѣка такъ, чтобъ можно было по описанію столько же знать его, какъ живши съ нимъ.

Все это высказывается здѣсь для того, чтобы показать, что разнообразіе нарѣчій связывалось первостепенною и второстепенною близостью ихъ, и эта близость, сознаваемая народомъ, способствовала поддержкѣ въ немъ взаимности и сознанія единства въ разнообразіи.

Съ принятіемъ христіанства явился въ Руси одинъ общій языкъ — книжный, и это была новая сильнѣйшая связь Русскихъ народовъ, прочнѣйшій залогъ ихъ духовной неразрывности. Мы говоримъ — съ принятіемъ христіанства; ибо если даже принять, что договоры Олега и Игоря писаны были въ то самое время когда заключались, то вѣроятно, ихъ писали русскіе христіане, а если бы даже язычники, то они должны были пользоваться плодами, принесенными Христіанствомъ. Книжный языкъ сдѣлался орудіемъ и распространенія вѣры и удержанія государственной жизни, и передавалъ общія всѣмъ понятія и взгляды. вмѣстѣ съ потребностію высшей жизни явилась и форма, въ которой могла быть достигнута эта потребность. Тогда во всѣхъ углахъ Россіи, въ какой бы то ни было вѣтви народной, въ церквахъ раздался одинъ языкъ; власть старалась передать свой голосъ однимъ и тѣмъ же языкомъ; событіе старины — случилось ли оно въ Кривеской землѣ, или въ Руси, или въ Новгородѣ—записывалось тѣмъ же самымъ языкомъ. Знакомство съ правилами вѣры и нравственности происходило черезъ посредство этого языка. Явились школы и въ этихъ школахъ учили на томъ же языкѣ, не обращая вниманія на то—изъ какого племени были учащіеся. Такимъ образомъ, вездѣ и повсюду, явилось одно орудіе выраженія высшихъ потребностей жизни. Пока книжный языкъ существовалъ въ своей чистотѣ, духовное единство не могло быть прервано, какъ оно не прервано, въ этомъ отношеніи, не только между Русскими и Червоноруссами, составившими нѣкогда одно федеративное тѣло, но и между Сербамъ и Русскими, не смотря на то, что никогда не поддерживалось другими политическими условіями, подобно частяхъ Русскаго народа. Австрійская политика очень благоразумно хочетъ въ наше время уничтожить употребленіе церковно-славянскаго языка въ школахъ Червоной Руси, подъ благовиднымъ предлогомъ покровительства народной рѣчи. Она изъ опыта предшествовавшей исторіи Славянъ знаетъ, что этотъ языкъ былъ и есть сильнѣйшій двигатель сродства племенъ и взаимнаго братства. *Языкъ* доставилъ намъ единство. — Но самъ по себѣ языкъ не былъ достаточно для водворенія единства политическаго. Онъ не могъ даже вытѣснить, истребить и замѣнить собою нарѣчія, во-первыхъ потому, что, до извѣстной степени, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ былъ столько же чуждъ народной

рѣчи, какъ въ другихъ близокъ, и во-вторыхъ, что будучи достояніемъ однихъ образованныхъ того времени людей, касаясь извѣстныхъ только высшихъ проявленій жизни, не только не замѣнялъ обиденной народной рѣчи, но даже самъ, въ книжной сферѣ, подвергался наплыву послѣдней, какъ это видно въ лѣтописяхъ, которыя, благодаря не полному умѣнью лѣтописцевъ ладить съ книжнымъ языкомъ, обличаютъ намъ живучесть народнаго слова при существованіи книжнаго. Языкъ книжный самъ по себѣ былъ достаточенъ только для того, чтобы части, достигавшія самобытности вслѣдствіе коренныхъ народныхъ особенностей и историческихъ обстоятельствъ, не теряли связи между собою, чтобы каждая часть имѣла у себя, въ равной степени то, что было священно и для другой части; но онъ былъ недостаточенъ для того, чтобы всѣ части могли перестать быть тѣмъ, чѣмъ до того времени были, и стать тѣмъ, чѣмъ ни одна изъ нихъ не была.

Второе звено, соединившее части Русской земли въ эту первую половину Русской Исторіи, былъ княжескій родъ. Онъ способствовалъ единству даже своимъ развѣтвленіемъ, своимъ многообразіемъ. Обыкновенно привыкли (издавна это ведется) жалѣть объ удѣльной системѣ, жаловаться на ея безпорядки, думать, что она замедляла прогрессъ Русской жизни, приписывать ее неблагоразумію Ярослава, и если извинять его, то единственно грубостію и невѣжественностію вѣка. Но Русскій міръ и не могъ иначе быть единымъ. Именно, только этимъ поддерживалась связь его. Не Ярославъ выдумалъ дѣлить Россію дѣтямъ, даже не Владиміръ. Въ договорѣ Олега говорится о свѣтлыхъ князьяхъ, сущихъ подъ его рукою. При Владимірѣ эти старые удѣльные князья замѣнены другими изъ одного рода. Это могло повести только къ большому единству, а не къ раздробленію. Удѣльный порядокъ вытекалъ изъ сущности положенія, въ какомъ находились народы, составившіе впоследствии Русскую державу. Чтобы соединить разсѣянные, раздѣленные одни отъ другихъ племена, нужно было именно то, чтобы и у того и другаго народа были начальники, родственные между собою: тогда и народное сознание взаимнаго родства получало себѣ пищу. Искать ли источника этой народной связи посредствомъ единаго начальствующаго рода въ такъ-называемомъ родовомъ бытѣ Восточныхъ Славянъ?— Конечно, на сколько общечеловѣческія понятія о родствѣ оказывали вліянія на сформированіе у Славянъ понятій объ общественной и государственной жизни. Связь народовъ посредствомъ родства лицъ, стоящихъ во главѣ ихъ — представленіе слишкомъ всеобщее, повсемѣстное; Людовикъ XIV думалъ же, что не существуетъ болѣе Пиренеевъ, когда посадилъ на Испанскій престолъ внука;

и Наполеонъ хотѣлъ поддерживать связь подчиненныхъ себѣ націй тѣмъ, что сажалъ на престолы Германіи и Итали своихъ братьевъ и зятьевъ. И въ средніе вѣка феодальное разнообразіе находило для себя связь частей въ родственныхъ союзахъ. Только вездѣ на Западѣ явленіе это не было до такой степени первостепеннымъ, фундаментальнымъ, для всего механизма общественнаго строя, какъ у насъ. У насъ начало соединенія частей, основа государственнаго быта, возникла отъ призванія княжескаго рода извнѣ. Впрочемъ, и у насъ форма единства Рюрикава рода не представляла единственно-возможнаго, незамѣнимаго ничѣмъ, способа соединенія частей: предѣлъ его былъ уже видимъ. Съ развѣтвленіемъ княжескихъ вѣтвей, съ неизбежною сообразностію такого рода развѣтвленія съ народными дѣленіями, значеніе князей, какъ начальниковъ земли, стало упадать. Уже въ XII вѣкѣ видно, какъ народное начало всплыло наверхъ и взяло перевѣсъ надъ княжескимъ. вмѣсто того, чтобъ князь наследовалъ, онъ избирался толпою; вмѣсто того, чтобъ быть единымъ начальникомъ и предводителемъ, — являлось по нѣскольку князей разомъ предводителями въ одномъ и томъ же мѣстѣ заразъ, и въ то же время должность ихъ замѣняется уже не князьями. Такъ въ 1180 г. въ ополченіи городовъ Кривской земли, изъ двухъ городовъ—Витебска и Полоцка—начальствуютъ князья, а изъ другихъ двухъ—не князья. Въ Галичѣ, князья до такой степени потеряли свое древнее значеніе, что ихъ судили и казнили смертию, какъ простыхъ людей, а мѣста ихъ пытались занимать люди не княжескаго рода. Въ Новгородѣ, оставшемся внѣ татарскаго завоеванія, продолжался развиваться старыя стихіи и въ XIV—XV вѣкахъ уже не стало необходимости держать князей, и отношенія къ великимъ князьямъ казались болѣе лишнимъ бременемъ, отъ котораго только трудно было освободиться. Въ XIV вѣкѣ явился новый родъ—Гедиминовъ, который началъ осаривать право быть орудіемъ связи Русско-Славянскихъ народовъ. Но тогда уже Русь склонялась къ единодержавію. Еслибъ даже удѣльный порядокъ, вслѣдствіе иноземныхъ вліяній, не былъ у насъ замѣненъ единодержавнымъ, то все-таки онъ рано или поздно долженъ былъ уступить другому, болѣе сообразному съ дальнѣйшимъ ходомъ народной жизни, которая вырабатывала, хотя медленно, свои начала. Самое единство княжескаго рода было формою выше той, какая существовала въ видѣ народнаго управленія — каждою родомъ своимъ, т. е. своими начальниками, не имѣвшими между собою родственной связи. Если при воздѣйствіи чужеземномъ, единство рода княжескаго должно было уступить высшей формѣ — едино-

державію московскому, то, безъ этого воздѣйствія, оно бы уступило иной новой формѣ единства, формѣ, какую выработала бы сама изъ себя народная жизнь.

Болѣе или менѣе князья размѣщались параллельно народностямъ, и такимъ образомъ ихъ родовое единство между собою шло въ параллели съ сознаніемъ единства народностей. Родъ Дома Изяслава Владиміровича постоянно княжилъ въ Полоцкѣ, и развѣтвлялся въ Землѣ, имѣвшей одно тяготѣніе съ Полоцкомъ. Домъ Святослава Ярославича, со всеми его развѣтвленіями, помѣстился въ Сѣверщинѣ и образовалъ княжественную двойственность, сообразно двойственности Земель—собственно Черниговской и Новгородъ-Сѣверской. Князь Сѣверскій былъ ближе къ Черниговскому, чѣмъ къ Кіевскому, и народность Сѣверская была ближе къ Черниговской, чѣмъ съ Кіевской. Но князь Сѣверскій не терялъ все-таки связи съ Рязанскими и съ Суздальскими князьями, все-таки онъ считалъ послѣднихъ происходящими изъ одного съ нимъ рода, и только далѣе отъ него, чѣмъ были къ нему Черниговскіе. Такъ и народъ въ Сѣверской области считалъ народъ Суздальскій и Рязанскій далѣе отъ себя, чѣмъ Черниговцевъ, но сознавалъ, что и Суздальцы—Русскіе. Какъ князь говорилъ: «я не Угринь, я не Ляхъ, мнѣ часть въ Русской землѣ», такъ каждый русскій говорилъ, что онъ не Ляхъ, не Угринь, что ему часть въ той широкой землѣ, гдѣ Сѣверянинъ, Русинъ-Полянинъ, Вольшець, Суздалецъ, сознають свое родство. Имѣя дѣло съ князьями, своими однородниками, князь въ то же время имѣлъ дѣло и съ цѣлою землею, какъ показываетъ, напр., такое выраженіе: *блжеть бо ему тяжа съ Рюрикомъ и съ Давидомъ и съ Вольнскою землею* (1190 г. Ип. епис. 140). Князь могъ не поладить съ своимъ сосѣдомъ и народъ могъ раздѣлять съ нимъ его неудовольствіе; но также народъ могъ не поладить съ другою вѣтвію общаго Русскаго народа; и какъ у князей ссоры были усобицами, такъ и въ народѣ брань одного края съ другимъ была домашняя, а не внѣшняя, война. Этимъ сознаніемъ еродства объясняется, почему Новгородцы, воюя до неистовства съ Суздальцами въ началѣ XIII в., послѣ того опять находились съ ними въ связи и принимали отсюда князей, и отъ чего тѣ же Новгородцы, защищая свою независимость противъ покушеній Московскаго единовластія, въ то же время никакъ не могли оторваться отъ Московской Земли и принять, въ отношеніи ея, тотъ образъ дѣйствій, какъ въ отношеніи чужихъ, напримѣръ, Нѣмцевъ или Шведовъ. Если бы въ Россіи не возникло удѣльнаго порядка, еслибы возможно было чтобы Ярославъ, соединивъ Русскія страны подъ одну власть, передалъ все вмѣстѣ

одному изъ сыновей, то, безъ сомнѣнія, Русская Земля скорѣе могла бы потерять единство, чѣмъ при раздѣленіи на удѣлы. Тогда должны были бы оставаться тѣ старѣйшины-князья, которые существовали допрібытія Рюрикова дома, или—Земли управлялись бы намѣстниками Кіевского князя. Въ первомъ случаѣ, старѣйшины разныхъ родовъ, не имѣя между собою кровнаго единства, старались бы каждый о совершенномъ обособленіи своихъ Земель, и находясь въ отношеніи Кіевского князя какъ покоренные, чувствовали бы надъ собою иго и старались бы освободиться отъ него. Естественно, тогда между всеми ими несравненно было бы менѣе связи, чѣмъ между князьями *одного* рода. Во второмъ случаѣ, сами народы чувствовали бы чуждое иго—власть одной земли надъ своею, и смотрѣли бы на намѣстниковъ, какъ на враговъ и угнетителей. Географическія условія и необходимость постоянного отбоя отъ непріятелей не позволяли бы Кіеву сосредоточить свои силы для насильственнаго удержанія въ своей власти такого множества народовъ, на такомъ огромномъ пространствѣ: послѣдовало бы совершенное разложеніе. Даже еслибы все народы сживались со своими намѣстниками и покорно повиновались имъ, то и тогда связи духовной было бы меньше, чѣмъ при существованіи удѣльнаго порядка; ибо такіе намѣстники не были бы такъ связаны между собою, какъ родственные князья.—Указываютъ на горькія послѣдствія княжескихъ споровъ и дѣлежей. Но безъ сомнѣнія, еслибъ не было удѣловъ родовыхъ, то усобицы между народами были бы неизбѣжныѣ, и были бы гораздо жесточе, губительныѣ, разрушительныѣ. Напротивъ, княжескія усобицы способствовали поддержанію народнаго единства Россіи, посредствомъ знакомства частей между собою. Безъ нихъ сообщеніе между родственными племенами было бы рѣже; въ такомъ большомъ числѣ посѣщающихъ далекія страны тогда не было бы. Вспомнимъ, напримѣръ, упорную войну Суздальскихъ князей съ Кіевскими въ половинѣ XII вѣка? Едва ли бы могло быть по какому нибудь мирному поводу столько Суздальцевъ въ Кіевѣ. Всякій, кто ворочался домой, рассказывалъ о далекой землѣ, и изъ рода въ родъ, въ семейныхъ преданіяхъ, укоренялась привычка считать народонаселеніе того и другого края близкимъ къ своему,—разширялся кругъ географическаго понятія о томъ, что такое составляетъ *свое* и *чужое*.

И вотъ, то, что съ перваго взгляда, кажется, наиболѣе препятствовало единству, на самомъ дѣлѣ служило этому единству поддержкой. Выше мы коснулись воцаренія Гедиминовичей. Когда въ XIV вѣкѣ княжеская Рюриковская линія стала замѣняться Гедиминовою, связь между Запад-

ной и Восточной Русью ослабла. Москва и Литва часто смотрѣли на себя какъ на чужихъ, какъ на особенныя государства. Народъ и въ Москвѣ и въ Литвѣ оставался Русскимъ, а между тѣмъ связи между нимъ гораздо было меньше, чѣмъ при князьяхъ одинаго дома. Правда, очень часто возникала мысль о соединеніи, но замѣчательно, что эта мысль являлась только послѣ войнъ, когда оба народа возобновляли старое знакомство, хотя и печальнымъ образомъ. Оставаясь въ покоѣ, Москвичъ забывалъ, что Литвинъ-Бѣлорусъ его — кровный; у него это выходило изъ памяти при долгомъ нестолкновеніи съ сосѣдями-единоплеменниками.

Въ числѣ началъ, поддерживавшихъ единство Руси, слѣдуетъ поставить и то именно, что еще больше княжескихъ усобицъ мѣшало ея единству — безпрестанныя непріязненные отношенія къ иноплеменникамъ, сновавшимъ или осѣдлымъ между Славянскими Русскими народами. Одна часть ихъ была осѣдлая Финская, покоряемая Славяно-руссами; а другая напротивъ — кочующая, нападающая, въ образѣ Половцевъ и ихъ кочевой братіи, разорявшая славянскую гражданственность, а въ образѣ Татаръ — завоевательная и поработительная. Нѣтъ сомнѣнія, что и тѣ и другіе препятствовали порядку гражданской стройности, а между тѣмъ и помогали сознанію единства. Такъ, когда на Южную Русь нападали Половцы, нѣсколько разъ князья забывали свои несогласія и собирались какъ бы въ крестовый походъ противъ враговъ вѣры и своей народности. Въ умахъ русскаго народа образовалось понятіе, что есть такіе народы, которые — враги всѣмъ вѣтвямъ его, а чрезъ это понятіе поддерживалось и понятіе о взаимности и сродствѣ своихъ народныхъ вѣтвей. Это понятіе еще болѣе развилось во время татарскаго завоеванія. Тогда повсюду, кто только принадлежалъ къ Русскому народу, проникался, то въ большей, то въ меньшей степени, чувствомъ враждебности къ покорительному народу. Эта враждебность поддерживала, даже и впоследствии, древнюю связь Южной и Западной Руси съ Восточною. Такъ, разомъ на Дибрѣ и на Дону составилось воинственное общество козаковъ съ цѣлю противостоять татарскому и турецкому покорительному началу, и нерѣдко Польскіе и Русскіе государи, среди безпрерывныхъ взаимныхъ несогласій, приходили къ мысли о союзѣ противъ общихъ враговъ; — въ враждебныхъ между собою государствахъ не разъ являлась мысль о возможности прочнаго соединенія западной и восточной половинъ Руси, въ надеждѣ, что, такимъ образомъ, общими силами можно удачнѣе и успѣшнѣе дѣйствовать противъ Татаръ и Турокъ. Враждебность къ этимъ народамъ перешла преемственно изъ тѣхъ вѣковъ, когда

Славяно-русскіе народы боролись съ Тюркскими племенами, бродившими нѣкогда по широкому материку Россіи. Та же борьба, которую русская стихія выдерживала въ IX и въ X столѣтіяхъ противъ Печенѣговъ, явилась потомъ въ XII въ религіозной враждѣ противъ невѣрныхъ Половцевъ, когда русскія дружины ходили, въ ихъ стени, по призыву Мономаха и Игоря; она приняла, въ XIV вѣкѣ, значеніе освобожденія отъ чуждаго ига при Дмитріѣ Донскомъ, и руководила важнѣйшими явленіями внѣшней политической жизни до позднѣйшихъ временъ во враждѣ съ мусульманскимъ турецкимъ Востокомъ. Есть въ исторіи завѣтныя племенные ненависти; онѣ развиваются вѣками, то утихаютъ, то разгораются отъ обстоятельствъ, то засыпаютъ, то вновь пробуждаются, проходятъ черезъ разные виды историческихъ переменъ и даютъ направленіе народнымъ силамъ и тонъ народнымъ думамъ. Къ такимъ враждебнымъ явленіямъ принадлежитъ борьба Славянскаго племени съ Турецкимъ или Тюркскимъ. Ея источникъ скрывается во мракѣ доисторическихъ временъ. Мы знаемъ только ея продолженіе, и не видимъ начала, и для насъ такія черты легко представляются кореннымъ племеннымъ свойствомъ, какъ дѣлаемъ мы со всѣмъ, чему не можемъ донестись начала въ тѣхъ сумрачныхъ вѣкахъ, откуда нѣтъ ничего положительно-достовернаго.

Есть еще признаки племенной враждебности къ иному племени, такъ же непріязненному къ Славянамъ, съ незапамятныхъ временъ — къ племени Нѣмецкому. Но эта враждебность, составляющая всю сущность исторіи Западныхъ Славянъ, касалась легче нашихъ, Восточныхъ. Признаки ея можно видѣть во враждебныхъ отношеніяхъ Новгорода и Пскова къ Ливонскимъ Рыцарямъ и Шведамъ, и равнымъ образомъ въ томъ возрѣніи, какое народъ нашъ имѣлъ и до-сихъ-поръ неизгладимо имѣетъ на нѣмецкое племя. Новгородцы и Псковичи поддерживали языческихъ Эстовъ во враждѣ ихъ съ Крестоносцами и Финляндскую Емь въ борьбѣ со Шведами, противъ распространителей христіанства, защищая свободу языческой совѣсти отъ насильственнаго крещенія. Во враждѣ этой участвовали вскозь и другія Русскія вѣтви. Въ ополченіяхъ Великаго Новгорода и Пскова отличались и Суздальцы, и Смольняне, и Полочане. Съ своей стороны, Нѣмцы, поработивъ Прибалтійскихъ Славянъ, готовились подвергнуть той же участи и сѣверныхъ русскихъ Славянъ, и въ XIII вѣкѣ уже успѣли покорить Псковъ, но были отражены Новгородцами подъ предводительствомъ Александра Невского. Съ тѣхъ поръ, Псковская Земля стала полемъ, гдѣ безпрестанно разыгрывалась и воспитывалась старая вражда Славянъ къ Нѣмцамъ, вражда,

которой первые зачатки также теряются въ доисторическомъ сумракѣ. Съ Нѣмцемъ, въ понятіи всѣхъ Русскихъ, безъ различія народныхъ видовъ, соединилось представленіе о чемъ-то тяготящемъ, высокобронномъ, посягающемъ на свободу нашу; Русскій ставилъ его въ противоположность къ себѣ, независимо отъ того, былъ ли самъ этотъ Русскій Суздалецъ, Смольянинъ, Псковитянинъ, Новгородецъ и т. д.

Важнѣйшимъ звеномъ единства Русскихъ частей сдѣлалась православная Христіанская вѣра, со времени ея введенія и распространенія по Руси. Не станемъ безусловно раздѣлять мнѣнія о чрезвычайной быстротѣ распространенія вѣры между Русско-Славянскими народами, хотя не можемъ отрицать, что изъ множества народовъ, обратившихся къ Христіанству въ разныя времена, мѣръ Русско-Славянскій принялъ Божественное Откровеніе съ меньшимъ упорствомъ, чѣмъ многіе другіе народы. Но то несомнѣнно, что всѣ исчисленные выше соединительные элементы были бы слабы и недостаточны для водворенія единства народовъ русскаго міра, безъ содѣйствія православной религіи. Христіанство дало отдѣльнымъ частямъ народа такіе элементы, которые для всѣхъ составляли высочайшую святыню и въ то же время были въ равной степени общи для всѣхъ. Православная вѣра образовывала и утверждала высшую единую народность вмѣсто частныхъ. Православная вѣра распространяла единыя нравственныя понятія и ввела единыя богослужебныя обряды. Изъ Христіанства возникла потребность просвѣщенія. Она удовлетворилась только посредствомъ Церкви. Кто только былъ, по тому времени, человекъ образованный, тотъ или принадлежалъ къ церкви, или вращался въ кругу понятій церковныхъ.

Масса, инстинктивно всегда уважающая людей, стоящихъ выше ея по образованію, получила понятіе о томъ, что выше ея по духовному смыслу и, слѣдовательно, достойно уваженія; а это высшее не принадлежало уже ни къ какой частной народности. Оно было русское. Церковное богослуженіе воспитывало въ массѣ чувство единства. Новгородецъ въ Суздаль, Черниговецъ въ Полоцкѣ, слышали въ церкви тотъ же языкъ какъ у себя дома, видѣли тѣ же обряды, тотъ же церковный порядокъ, всѣхъ учили содержать одни и тѣ же посты, читать тѣ же молитвы, почитать однихъ и тѣхъ же святыхъ, искать въ одномъ, для всѣхъ, спасенія и утѣшенія; такимъ образомъ, укоренялось въ каждомъ понятіе, что святыня его сердца — общая для всѣхъ вѣтвей русскаго народа: и такъ онъ со всѣми другими составляетъ единое тѣло.

Православная Церковь ввела въ нашу жизнь множество новыхъ

формъ, обычаевъ, не только церковныхъ, но и домашнихъ, вошедшихъ въ частный бытъ равнымъ образомъ во всехъ Русскихъ краяхъ. Установились понятія о томъ, какъ при какомъ-нибудь извѣстномъ обстоятельстве слѣдуетъ сѣсть или стать, ѣсть и пить; образовались разныя приличія и правила общежитія, сообразныя съ достоинствомъ православнаго человѣка и, слѣдовательно, общія для всей Русской Земли. Возникали монастыри, появлялись мощи, чудотворныя иконы, составились преданія, которымъ вѣрилъ и Ростовецъ, и Новгородецъ, и Кіевлянинъ, и Сѣверянинъ, на-сколько каждый былъ православный Русскій. Нѣкоторые монастыри прославились скоро и заслужили всеобщее уваженіе; таковъ былъ самый ранній—Печерскій. Въ разныхъ мѣстахъ одни за другими являлись общества отшельниковъ, которые прославлялись подвигами и жизнію. Для народа становились болѣе или менѣе одинаково святы угодники, почитающіе гдѣ бы то ни было въ Россіи, и изъ разныхъ мѣстъ ходили къ намъ на поклоненіе. Такимъ образомъ, образовывалось паломничество, которое, съ одной стороны, умножало сообщеніе земель, съ другой — поддерживало сознаніе единства общей святости.

Наконецъ, вводились церковные законы, развивали въ народѣ юридическія понятія и распространяли во всехъ краяхъ Россіи одинаковое воззрѣніе на святость права. Христіанская религія принудила измѣнить взглядъ на многое, и то, что считалось прежде нравственнымъ, стало безнравственнымъ, какъ, напримѣръ, понятіе о мести у язычниковъ, такъ точно, Христіанская вѣра истребила мѣстную языческую святыню въ разныхъ краяхъ и замѣнила своею всеобщюю для всехъ въ одинаковой степени. Народъ уже доживалъ до той эпохи, когда обычай его должны были принять значеніе права; по крайней мѣрѣ, такъ было въ нѣкоторыхъ странахъ, напримѣръ, у Полянъ. Доказательствомъ служить Русская Правда—сборникъ обычаевъ и постановленій власти, уже записанныхъ и принявшихъ значеніе руководства для случаевъ, подобныхъ тѣмъ, какіе рѣшаемы были прежде. Но съ народнымъ разнообразіемъ Русь не скоро могла дойти до водворенія общихъ законовъ, или до соединенія народныхъ обычаевъ.

На широкомъ пространствѣ Русскаго материка было слишкомъ много, для cadaго изъ народовъ, своихъ условій развитія гражданственности, которыя никакъ не могли сходиться съ существовавшими въ другихъ русскихъ краяхъ. Не было бы и необходимости, не взошло бы даже въ голову составителю законовъ наблюдать какое нибудь единство для всехъ частей; слѣдовательно, если бы, въ разныхъ краяхъ Руси, обычай и стали превращаться въ положительные писанные законы, то эти законы спо-

собствовали бы скорѣе разрозненности частей вмѣсто ихъ соединенія. Ибо законы, отличавшіе Землю отъ Земли въ юридическомъ отношеніи, укоренялись бы и дѣлались для своей Земли писанной святыней; преданія отцовской мудрости, безъ особенныхъ переворотовъ и насилій, не скоро уступили бы мѣсто чему-нибудь болѣе общему. Кормчая, вошедшая вмѣстѣ съ Христіанствомъ, напротивъ, заронила въ Русскомъ мірѣ идею законодательнаго единства и общности права.

Въ этомъ случаѣ слѣдуетъ обратить вниманіе на корпорацію духовенства, связаннаго узами одного законоположенія и получавашаго вездѣ одно и то же воспитаніе. Во всѣхъ духовныхъ предметахъ и даже въ значительной части мірскихъ отношеній, духовенство было изъято отъ всякаго свѣтскаго суда, зависѣло отъ своихъ епископовъ, епископъ отъ митрополита, митрополитъ отъ патріарха; такимъ образомъ, вся церковная администрація изображала одну цѣпь, протянутую по всей Россіи, а крайнее звено ея находилось въ Царьградѣ за предѣлами русской земли. Духовенство въ большей части своихъ отношеній къ народу стояло выше мѣстныхъ обычаевъ и понятій, налегало на народъ своею нравственною силою и, вмѣсто народныхъ старыхъ правилъ, вводило новыя, общія и равныя для всѣхъ частей русскаго міра. Въ древности духовенство пользовалось правами гораздо большими, чѣмъ впоследствии, судилось по греческимъ писаннымъ законамъ, апостольскимъ и соборнымъ правиламъ. Такимъ образомъ, люди этого класса, имѣвшіе право на всеобщее уваженіе, были внѣ мірскихъ условій, проповѣдывали одно и то же, одному и тому же учили, указывали одну цѣль. Такъ образовалась идея церкви, общества, не связаннаго съ мѣстностію, неприкованнаго къ одной землѣ, и съ нею совокупно развивалась идея объ общности всѣхъ русскихъ земель, о единствѣ русскаго народа. Священникъ — былъ ли онъ Новгородецъ, Кіевлянинъ, Суздалецъ, долженъ былъ жертвовать своими мѣстными отношеніями требованіямъ церкви. Церковное законоположеніе не ограничивалось однимъ духовенствомъ да духовными дѣлами; оно подчиняло себѣ многія стороны житейскія и имѣло право исключительно судить преступленія противъ обязанностей семейнаго быта: въ спорахъ о наслѣдствѣ, въ семейныхъ распряхъ обращались къ духовному посредству, а духовенство произносило свои приговоры, по большей части одинаково, какъ въ Кіевѣ, такъ и въ Новгородѣ и въ Ростовѣ, потому что вездѣ у него предъ глазами были греческія церковныя законоположенія. Остатки язычества, народныя вѣрованія подлежали духовному суду, и подъ вліяніемъ духовенства должны были уступать единымъ для всѣхъ

краевъ христіанскимъ понятіямъ и вѣрованіямъ. Судъ святительскій долженъ былъ совершаться одинаково по всей Россіи. Духовенство, приучаясь смотрѣть на всю Россію, какъ на единое тѣло, научало и князей смотрѣть на нее такъ же. Такъ, въ 1189 году, по поводу захвата Галича Уграми, митрополитъ говорилъ князьямъ Святославу и Рюрику: »се иноплеменики отъяли отчину вашу, и лѣпо вамъ потрудитися.« Такимъ образомъ онъ указывалъ князьямъ прежде всего — забывъ, на время, свои споры, выручить Русскую землю отъ не-русскихъ, кому бы изъ князей ни досталось потомъ вырученное.

Съ церковнымъ законоположеніемъ вошли къ намъ, въ видѣ прибавленій къ Номоканону, мѣста изъ гражданскихъ законовъ Византійской имперіи, такъ называемые градскіе законы. Неизвѣстно, имѣли ли они когда-нибудь всеобщую обязательную силу, но нѣтъ сомнѣнія, что, прилагаясь обыкновенно въ видѣ дополненій къ церковному законоположенію, которое было обязательнымъ; они пользовались уваженіемъ, и слѣдовательно, должны были вѣдраться въ русское правосудіе. При недостаткѣ собственнаго гражданского законодательства, судъ и рѣшеніе дѣлъ естественно должны были зависѣть отъ ума и склонностей судей. Получая вначалѣ просвѣщеніе единственно изъ книгъ, переведенныхъ съ греческаго, не иначе, какъ съ понятіями, заимствованными изъ сферы церковной, эти судьи—были ли они князья или тиуны, или же выборные народомъ, — необходимо должны были иногда обращаться къ этимъ кодексамъ, гдѣ содержались готовые рѣшенія на случаи, которые могли встрѣтиться, и на которые не было правилъ въ русскомъ обычномъ правѣ, или же когда рѣшеніе ихъ, по обычному древнему праву, противорѣчило христіанству. Ничего не могло быть естественнѣе для князя или, вообще, для судьи, ставшаго въ тупикъ на судѣ, какъ обратиться къ пособію этихъ уставовъ и заимствовать оттуда юридическую мудрость. Тѣмъ болѣе это было умѣстно, когда градскіе законы составляли какъ бы дополненіе къ тому, что уже считалось святынею. Владиміръ святой совѣтовался съ епископами объ устроеніи земскомъ; тоже дѣлалъ и Ярославъ; а епископы эти были Греки и, конечно, не могли дать совѣта иначе, какъ въ духѣ Номоканона, не только въ церковной, но и въ гражданской сферѣ. И въ послѣдствіи, князья перѣдко, въ дѣлахъ гражданского управленія и суда, обращались къ епископамъ, игуменамъ, священникамъ. Духовенство, составляя себѣ понятіе о долгѣ, сообразно своему воспитанію, неизбѣжно должно было давать совѣты, сходные съ греческимъ законодательствомъ. Ужъ, конечно, у каж-

даго святителя былъ экземпляръ Кормчей съ ея добавленіями, и святитель оттуда могъ черпать для вразумленія судей, и во всѣхъ странахъ Русскаго міра святители одинаково руководили судебными рѣшеніями. Такимъ образомъ, въ разныхъ Земляхъ прививались къ народу одинакія юридическія понятія. Вліяніе духовенства въ гражданскомъ управленіи и судѣ простиралось не на однихъ князей, но и на массы народныя, на вѣча. Въ Новгородѣ, во время полного развитія его свободы, власть и вліяніе архіепископа на суды были во всей силѣ. Владыки были представителями не однихъ церковныхъ, но и политическихъ интересовъ страны.

Наука духовенства была одна; гражданскія, нравственныя, юридическія понятія были одни, какъ воспитанныя на одной почвѣ. Плоды вліянія духовенства на собранія народныя вездѣ должны были являться одинаковыми послѣдствіями для народной жизни, въ Новгородѣ, и въ Полоцкѣ, и въ Кіевѣ и повсюду.

Кормчая книга съ гражданскими законами расширила значительно кругозоръ нашихъ понятій и внесла, по крайней мѣрѣ для тѣхъ, которые стояли на челѣ народной образованности, новые взгляды. Она должна была пріучить умъ нашъ возводить факты къ юридическимъ понятіямъ. Нѣкоторыя понятія были вновь внесены, другія развиты. Нельзя не указать на то, что Кормчая, подъ вліяніемъ толковавшей духовенства, при каждомъ случаѣ содѣйствовала образованію понятія о единовластіи и о царственности правителей. По старымъ Славянскимъ понятіямъ, князья были выборные правители, зависѣвшіе отъ народной воли, а ученіе, принесенное изъ Византіи, стало придавать имъ значеніе византійскихъ государей. Помощь духовенства являлась повсюду, когда только совершалось движеніе въ пользу единовластія. Духовенство было на сторонѣ права родового старѣйшинства князей и поддерживало его въ противорѣчій съ правомъ вольнаго народнаго призыва. Андрей утвердился во Владимірѣ, и лѣтописцы, духовные по званію, оправдываютъ его и преемниковъ его въ стремленіи къ верховной власти надъ всѣми Русскими землями. Съ благословенія церкви, въ лицѣ митрополитовъ, утвердилась Москва; съ благословенія церкви Іоаннъ III уничтожилъ Новгородскую свободу. Зародышъ единовластія—въ пришедшихъ къ намъ еще въ X и XI вѣкѣ греческихъ понятіяхъ и больше всего въ Кормчей, гдѣ еще въ эти, далекія отъ господства единовластія, времена читали наши предки, что «народы, которые не имѣютъ властелина, а управляются сами собою, суть варвары...»

Аристократическіе зачатки, которые были у Славянъ чрезвычайно слабы, развивались у насъ отъ византійскихъ понятій о противоположности благороднаго происхожденія однихъ и низкаго званія другихъ. Въмѣстѣ съ книгами, законами, обрядами и единымъ воспитаніемъ духовенства, къ намъ занесенъ изъ Византіи апотеозъ церемоній, формальности. Славяне были одно изъ племенъ, менѣе многихъ носившее въ себѣ склонность къ этому, во время принятія христіанства. Почти всегда, какъ только самобытныя славянскія силы сколько нибудь развивались, являлось противное желаніе — обойти всякое правило, освободиться отъ всякой формальности, прямо братья за содержаніе безъ оболочки. Византійское вліяніе ввело къ намъ понятія о святости извѣстнаго рода формъ, обрядовъ, мелочныхъ обычаевъ. Мы говоримъ здѣсь не о церковныхъ обрядахъ, но о житейскихъ, которые вѣдрили въ жизнь нашихъ верховныхъ лицъ и высшихъ классовъ.

Не смотря на всѣ изложенныя здѣсь начала, способствовавшія поддержанію и развитію идеи единства Русской земли, онѣ не были столь сильны, чтобъ скоро довести народныя силы до единодержавія и части до полного слитія.

Хотя родъ княжескій сознавалъ свое семейственное начало, однако, уже потому, что онъ былъ родъ, условливалъ необходимость раздѣленія, ибо каждый изъ членовъ рода имѣлъ право на власть, то есть, на право управления Землею. Великое пространство препятствовало слитію нарѣчій, а церковный языкъ, какъ ни соединялъ проявленіе умственнаго труда во всей Россіи, какъ ни служилъ органомъ слова, вразумительнымъ и священнымъ для всѣхъ русскихъ, но уже потому, что былъ не народный, не могъ сдѣлаться житейскимъ языкомъ и вѣчно оставался только книжнымъ. Наконецъ, и самая Церковь не въ силахъ была, при всѣхъ своихъ элементахъ единства, привести къ нему и народъ безъ особенныхъ другихъ сильныхъ, пособляющихъ, толчковъ. Во-первыхъ, Церковь уже по духу своему не предпринимаетъ крутыхъ мѣръ: развивая въ человѣкѣ то, что принадлежитъ проповѣдуемому ученію, оставляетъ расти и его собственной природѣ. Если признаки язычества, какъ показываютъ Вопросы Кирика, были еще ощутительны въ XII вѣкѣ, то, конечно, церковныя правила и поученія не могли такъ скоро передѣлать всѣхъ понятій народа, не могли даже помѣшать образовываться въ народѣ новымъ, роднымъ понятіямъ мимо вліянія и участія церкви. Пока на первыхъ порахъ высшее духовенство было изъ Грековъ, — власть Церкви могла еще быть чѣмъ-то вѣншимъ, перерабатывающимъ народъ и не принимающимъ ничего отъ

281
 него самого; но когда высшее духовенство, какъ и низшее, стало выбираться изъ своихъ, изъ Русскихъ, тогда народныя привычки пробивались чрезъ монашескія мантіи, а Русскій народный умъ проглядывалъ изъ-подъ клобуковъ, подъ которыми головы обязаны были мыслить иначе, не по-русски, а по-византійски. Духовные стали входить въ интересы своихъ Земель, гдѣ были епископами, или же откуда сами происходили. Чувство любви къ мѣстной родинѣ, понятія, усвоенныя отъ родителей, оставались въ нихъ. Новгородскіе владыки не рѣдко въ своихъ дѣлахъ должны были слѣдовать правиламъ того уклада, среди котораго жили и дѣйствовали, въ иномъ духѣ, нежели Московскіе. Духовенство низшее, происходя изъ народа, не получивъ, какъ должно думать, такого воспитанія, которое бы его съ малыхъ лѣтъ отдѣляло отъ народа, наконецъ, — женатое и, слѣдовательно, связанное и родствомъ и житейскими нуждами съ народомъ, конечно носило на себѣ столько признаковъ частной, особенной народности, сколько и все-нивелирующаго византизма.

И вотъ, начѣла, соединяющія Земли между собою, хотя и были достаточны для того, чтобы не допустить эти Земли распасться и каждой начать жить совершенно независимо отъ другихъ, но не на столько были сильны, чтобы заглушить всякое мѣстное проявленіе и слить все части въ одно цѣлое. И природа, и обстоятельства историческія — все вело жизнь Русскаго народа къ самобытности Земель, съ тѣмъ, чтобы между всеми Землями образовалась и поддерживалась неустанно связь. Такъ Русь стремилась къ федераціи, и федерація была формою, въ которую она начинала облекаться. Вся исторія Руси удѣльнаго уклада есть постепенное развитіе федеративнаго начала, но вмѣстѣ съ тѣмъ и борьба его съ началомъ единодержавія.

Н. Костомаровъ.

1860

Февраль.

(Изъ журнала «Основа».)

2007081061